

Наталиса Парий
Сказки Темного Города

18+

ТРИПЛЕТ

Наталиса Ларий Сказки темного города. Триплет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57140531

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-04050-2

Аннотация

Две судьбы, два поколения и триплет сплетения тайны, ненависти и...любви. Что может быть общего между двумя мирами, один из которых тешит свои амбиции подавляя человечность в другом? А может не все столь ужасно, каким кажется на первый взгляд? Возможен ли союз между теми, кто, по большому счету, должны быть врагами? И правда ли, что любовь способна преодолеть все? Или нет?

Содержание

Триплет. Начало. Глава 1	4
Глава 2	78
Глава 3	89
Глава 4	101
Глава 5	117
Глава 6	129
Глава 7	141
Глава 8	161
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Наталиса Ларий

Сказки темного города. Триплет

Триплет. Начало. Глава 1

Краски разных цветов лежали на моем выкрашенном в белый цвет окне, создавая контраст своими переливами с белоснежной поверхностью. Я медленно подошла к ним и взяла один тюбик в руки. Покрутив его, выдавила себе на палец каплю и, прищурив глаза, наблюдала, как она медленно стекает по нему, оставляя за собой кроваво-красную дорожку. Услышав тихий скрип открываемой двери, почувствовала, как мурашки побежали по телу в предвкушении встречи с темной стороной моего желания.

1850 год. Ранее.

– Алиса, к тебе посетитель, – проговорила моя сестра, пропуская в мастерскую мужчину средних лет в черном дорожном костюме.

– Проходите, пожалуйста. Пара минут и я уделю вам время, – растирая каплю краски на полотне проговорила я, едва взглянув на мужчину.

Мужчина подошел к окну и, опустив свою шляпу на сто-

явшую у стены софу, уселся, закинув ногу на ногу.

– Слушаю вас, – продолжила я, не отрывая взгляд от старой картины с изображением пожилой женщины с маленькой собачкой на руках. Еще пара штрихов и ранее испорченная картина приняла под моими ловкими пальцами свой первоначальный вид. Вытерев лоб ладонью, я поглядела на молчавшего мужчину, который, казалось, забыл за чем пришел, с таким интересом он рассматривал меня.

– Вы пришли за чем-то конкретно? – проговорила я с нескрываемым раздражением, поскольку мне всегда не нравились такие напыщенные, самоуверенные экземплярики, которые нахально раздевали одним только взглядом.

– Ох, простите мисс. Засмотрелся на вас, – мужчина тряхнул головой и улыбнулся.

– Нечего на меня засматриваться! Во мне нет ничего диковинного.

– Да, простите, – он кивнул в знак уважения, явно поняв, что я не того поля ягода, где можно пожить.

– Ближе к делу. Я более суток на ногах. Закончила работу и хочу отдохнуть.

– Меня зовут Генрих. Поверенный графа Беверли. Мы вам присылали месяц назад предложение по реставрации картины, – деловой тон мужчины враз дал понять, что ему было очень важно то, чтобы его визит ко мне имел успешное завершение.

– Помню, но я вам, по-моему, ответила отказом, – пожал

плечами, бросила кисти в банку с водой.

– Да. Мы получили письмо. Поэтому и приехал лично, дабы переубедить вас.

– Что в моем письме было не так сформулировано? Я же прямым текстом написала, что ехать за тридевять земель реставрировать картину не хочу. У вас что, нет реставраторов? – спокойно спросила я.

– Нет, такого уровня нет, к сожалению. Картина очень дорога хозяину. И, кроме того, это не единственная причина. Его дочь...она очень больна. Испорченная картина – портрет ее матери. Мы не знаем, сколько девочка протянет еще. Год от силы. Граф хотел бы сделать подарок ребенку, восстановить картину. Он надеется, что портрет матери даст силы малышке, так рано оставшейся без материнского тепла. У него теплится надежда, что дочь поправится, несмотря на все прогнозы докторов. Работу нужно сделать быстро и качественно. Вы меня понимаете?

«Этого еще мне не хватало. Больной ребенок, оставшийся без матери», – подумала я, чувствуя надвигающуюся жалость, ведь сама осталась без матери в совсем юном возрасте и не понаслышке знала, насколько тяжелым камнем это может давить на ранимую душу маленькой девочки. Устало опустившись на софу, я размышляла, какой ответ мне дать, ведь так не хотела покидать дом. Ехать в другую страну на столь долгое время мне совсем не хотелось. По своей натуре я была домоседом и любой выход в большой мир давал-

ся мне с огромным трудом. Крошечный мирок моего дома в небольшом русском городе был мне дорог, я была так счастлива здесь. Да и, кроме того, у меня болел пожилой отец и сводная сестра только-только заканчивала учебу в школе, поэтому ехать в далекую Англию я наотрез отказалась, получив предложение от совершенно незнакомого мне человека.

– Мы устроим жалование, – проговорил мужчина.

– Это бешеные деньги. За что? За реставрацию какой-то картины?

– Господин граф отдаст любые деньги, лишь бы его дочь еще хоть раз улыбнулась.

– О, боже, вы давите мне на жалость, мистер Генрих! – с нескрываемой неприязнью сказала я, поскольку понимала, что как раз с помощью жалости меня и можно было склонить к тому, что делать не хотела.

– Да, если в вас есть хоть капля сочувствия, вы поможете нам. И деньги, я думаю, будут не лишними для вас. Знаю, что вы одна работаете в семье, поэтому для вас каждая копейка на счету. Дом заложен, сестра мала, отец болеет. Глупо было бы отказываться от нашего предложения.

– Пожалуйста, давайте не будем говорить о моем положении, мне это неприятно. Откуда вы вообще обо мне узнали? – раздраженно спросила я.

– Некий Андрей Вронский как-то похвастался на приеме у ее высочества, что в России есть художница, которая может спасти любое произведение искусства. Граф тогда был

по делам при дворе и услышал это. Вот, собственно и все.

– Да, Андрей, помню его. Реставрировала портрет его деда год назад где-то, – усмехнулась я, поскольку портрет запомнился мне меньше, чем его хозяин-ловелас.

– Ну, так что? По рукам? – постукивая тростью по полу спросил нетерпеливо мужчина.

– Хорошо, только отдам распоряжение и через пару дней буду готова к отплытию.

– Прекрасно! Вы не пожалеете, я вам обещаю! Такая юная и талантливая особа достойна красивой жизни. А красивая жизнь во многом зависит от количества золотых монет у нас в кармане, которых у вас будет предостаточно после выполнения этой работы. Здесь задаток, оставите семье, – проговорил мужчина, положив толстый конверт с деньгами на стол и раскланявшись покинул мой дом.

– Алиса, можно к тебе? – прошептала моя сестра Анастасия, просунув в дверную щель свою хитрющую головку.

– Заходи, – потянувшись и зевнув ответила я.

– Так ты решила все-таки ехать? – плюхнувшись на софу с интересом спросила она.

– Да, поеду. Такие деньги огромные платят, если сделаю эту работу, мы ни в чем не будем нуждаться. Я так уже устала, Настя, от этих наших проблем бесконечных. К сожалению, здесь в России столько не заработаешь на реставрации.

– Это правильно. Да и засела ты дома, как курица – наседка. Пора бы и о себе подумать. А то сидишь среди этих

холстов и красок. Только и думаешь о нас с папой. А так хоть съездишь, развеешься, может кого повстречаешь. Я так хочу, чтобы ты была счастлива, – печально проговорила Настя.

– Не хочу я никого встречать, мне и самой хорошо! Да и некогда думать обо всем этом. А от тебя слышно одно и то же – повстречаешь, замуж выйдешь. Не хочу об этом говорить больше! Ты об отце заботься, Настя. Пока меня не будет. Я получила задаток за работу, расплатись с некоторыми долгами и оплати лечение папы в больнице, остальное оставь на питание и оплату школы. Думаю, вам хватит на пару месяцев, а там глядишь и я вернусь.

– Спасибо тебе, Алиса! Что бы мы делали без тебя и без твоего таланта, – сестра крепко обняла меня и взяв конверт вышла из комнаты, оставив меня с грустными мыслями наедине.

Закончив за пару дней все неотложные дела, я попрощалась с отцом и сестрой, собрала чемоданы и отправилась в порт, где меня ждал мой новый знакомый Генрих.

– Алиса Александровна, я так рад, что вы не передумали и приняли наше предложение! Господин граф будет счастлив!

– От таких денег мало кто отказался бы. На них я смогу открыть свою галерею и выплатить залог за дом. Радость вашего графа мне совершенно безразлична. Вот малышке если помогу, это совсем другое дело.

Отдав свой багаж носильщикам, мы поднялись на корабль и прошли к своим каютам.

– Могу я вас пригласить на ужин? – спросил Генрих.

– Да, конечно. Вечер в шатающейся каюте – занятие не очень увлекательное. А так как раз расскажете мне о графе и его дочери.

Мужчина отвесил мне поклон, и я зашла в свою каюту. Разложив вещи на полки, я достала и проверила чемодан с красками. Убедившись, что все в целостности и сохранности, задвинула его под кровать и начала переодеваться к ужину. Надев темно-зеленое бархатное платье, украшенное черной вышивкой на горловине, я покинула каюту и пошла в ресторан. За столиком меня уже ждал мужчина, который при моем появлении галантно встал и поцеловал мне руку.

– Вы великолепны! – он с нескрываемым восхищением посмотрел на меня.

– Благодарю вас, – повела я бровью, поскольку не то чтобы не любила комплименты, но всегда чувствовала некую скованность, слыша такое в свой адрес.

– Вечер прекрасный. Прекрасная девушка рядом. Чего может еще хотеть мужчина?

– Генрих, оставьте свои комплименты для кого-то более подходящего, прошу вас. У меня совсем нет настроения слушать такого рода речи.

– Извините, таков уж я есть. Не перестаю восхищаться прекрасными творениями нашего господа. Хорошо, давайте сменим тему. Вы хотели что-то узнать о графе и его дочери.

– Да, расскажите мне немного о них, чтобы я имела пред-

ставление, что это за люди.

– Графа зовут Джастин фон Бэвэрли. Его династия достаточно древняя, является ветвью рода Анжу. Семья очень богатая и влиятельная, но они ведут довольно обособленный образ жизни. Не знаю уж с чем это связано. При дворе появляются редко. Хотя в особо тяжелые минуты для государства обычно входят в королевский совет до разрешения ситуации. Потом снова удаляются от светского общества. Так было, по крайней мере, с отцом, дедом и прадедом Джастина. Когда мне предложили работать у него, я немного изучил его родословную, не хотелось браться за работу у невесть кого.

– А жена его? Что с ней случилось? Вы сказали, что девочка растет без матери.

– Никто не знает толком. Официальная версия – она утонула. Тело так и не нашли. Много недомолвок, поэтому я думаю, что там что-то другое. Но вопросов не задаю. Мне платят большие деньги и меня это устраивает. Внутренние дела семьи меня не касаются.

– Вы давно работаете у него? – не переставала выпытывать я, поскольку какая-то подсознательная тревога подтачивала меня изнутри.

– Год. С того самого момента, как мы начали поиски подходящего реставратора.

– А что с картиной случилось?

– Залита краской. Некоторые приходили, смотрели, но браться никто не хочет.

– Странно, работа не особо тяжелая, почему никто не хочет браться?

– Понимаете, Джастин человек достаточно резкий, властный, он порой так общается с подчиненными, что мне приходится потом все сглаживать, дабы не потерять хорошего специалиста. Так и с картиной. Приезжал один художник из Флоренции, но его... тонкая, так сказать, натура, привыкшая к поклонению его таланту, не выдержала жесткого нрава графа. В общем, пробыл он у нас два дня и благополучно отбыл назад, не преминув высказать свое недовольство графу. Боятся у него работать некоторые, я бы так сказал.

– А я, значит, не побоюсь, – откуда у мужчины было такое представление о моем характере, для меня было загадкой.

– Вы – нет. Я же не просто так вам предложил взяться за это дело. Дочь военного офицера, привыкшая к строгому характеру отца, дисциплинированная и ответственная. Я бы сказал – не творческая натура по характеру. А вот в искусстве – лучшая в своей области.

– У меня такое ощущение, что вы отправляете меня на войну, господин Генрих.

– Нет, что вы! Просто находиться рядом с таким человеком, как граф, довольно таки сложно, если учесть, что нужно работать на него.

– А дочь? Что о ней скажете?

– Девочку зовут Виктория. Ей всего семь лет. Хорошая малышка, не избалованная, тихая. Я бы даже сказал, что че-

рескур тихая. Возможно, это следствие сухого отношения к ней отца.

– Но вы же сказали, что он ради нее все сделает. Значит, он ее очень любит.

– Безусловно. Но граф очень скуп на эмоции, чрезмерно жесток со всеми и с малышкой, в частности.

– Она болеет? Вы говорили... – в истории этой семьи явно было что-то не то и в моей голове крутилась мысль, что зря я еду за тридевять земель не пойми к кому.

– Да, но что с ней – никто не знает. Она просто чахнет изо дня в день. Очень плохо ест, ничем не интересуется, уходит в себя, плохо спит по ночам. Скорее всего сказалось то, что она потеряла мать. Поэтому и нужно восстановить картину. Возможно, образ матери вытянет малышку из этого состояния. В противном случае, доктора дают ей не более года.

– Ну знаете! Это одному богу известно, кому сколько отведено. Отец долго болеет уже и живет, а мачеха была очень сильной и здоровой женщиной, но ее не стало вот уже как пять лет. Поэтому...

– Я тоже такого же мнения. Поэтому, у меня к вам еще просьба, лично моя. Может вы сможете подружиться с девочкой, пока будете работать над картиной. Понимаете, у нее нянька довольно таки чопорная женщина, не проявляющая особого трепета к девочке. В доме работают люди сдержанные и не особо эмоциональные. Граф, скорее всего, подбирал их исходя из своих предпочтений. А девочка очень ра-

нимая, она совсем еще малышка. Ей бы нужен друг, а не надсмотрщик. Да и живут они уединенно, поместье вдали от столицы, место не людное. Рядом только небольшой городок. Но туда отец не пускает дочку даже на праздники. Возможно, боится ее состояния. Из гостей обычно только друзья Джастина и никогда, никаких детей. В общем, по моему мнению, девочка просто чахнет от недостатка любви и теплоты. Мы ведь все люди разные. Кто-то стойко переносит строгость и контроль, а кто-то без эмоций увядает. Вы молодая, если сможете и вам не в тягость, попробуйте ей помочь, ведь сами росли без матери. Думаю, что вы понимаете, о чем я говорю

– Конечно все понимаю. Я осталась без матери, когда мне было пять лет. Отец горевал года три очень тяжело. Он почти не обращал на меня внимания. Потом стал завязывать какие-то бесконечные любовные связи. Ему было не до меня. Затем женился. Мачеха была молодая и не особо вникала в дела заботы обо мне. А отец от меня требовал идеального порядка, воспитывал как солдата. Моей отрадой была лишь няня. Она дарила мне безграничную любовь, поскольку детей своих у нее не было. Я в полной мере могу сказать, что она стала для меня матерью в то время. Она научила меня всему – состраданию, любви к ближнему, вере, надежде, выдержке. Привила любовь к искусству. Рисовать научила меня тоже она, увидев мои способности. Потом отвела в художественную школу, которую я закончила с отличием. Если бы

не она, я даже не знаю каким человеком стала бы. Поэтому да, я понимаю все, о чем вы говорите и постараюсь помочь, чем смогу. Скажите, а чем граф занимается?

– У него своя судостроительная компания. И рудники по добыче золота на юге. Очень и очень богатый человек. Он часто уезжает по делам на месяц – два. Я думал, что вы будете работать над картиной как раз в его отсутствие. Но в последнее время он практически не отлучается никуда, поскольку дочери стало значительно хуже.

– А как вы стали работать у него? Вы не похожи на человека слишком сдержанного и жесткого, если таковых подбирает себе в качестве работников граф. Так ведь?

– Я сам из Америки, журналист. Бывший. Писал как-то статью о добыче золота у него на руднике. Там и познакомился. Ему понравилось, что я совсем не заискиваю перед ним, мы даже повздорили были насчет каких-то моментов. Так он и предложил быть поверенным в его делах. Вообще, конечно, семейство у них своеобразное. Не хочу вас пугать, просто надеюсь, что вы в первый же вечер не сбежите оттуда, если будете морально готовы.

– Мне уже не по себе, если честно.

– Ну вот, я вас напугал. Вы не подумайте ничего такого. Просто везде строгость, контроль, соблюдение правил и прочее. Это напрягает. А так человек-то он порядочный, наш граф. За это не переживайте.

– Строгости и контроля я не боюсь. У нас дома завтрак

подавали всегда ровно в восемь утра. Если я опаздывала на пять минут, то меня его лишали. Так что...

– Вот и чудно. Значит, я не ошибся в вас.

– Сколько ему лет, графу?

– Сорок исполнится зимой.

– Он один живет? – уж очень интересно мне было, кто может уживаться с таким мужчиной под одной крышей.

– Живет один. Личную жизнь не афиширует, – уклончиво ответил Генрих, и я поняла, что лезу не в свое дело.

– Ладно, господин Генрих...

– Можно просто Генрих. Мне было бы приятно быть с вами на «ты».

– Хорошо, Генрих, – улыбнулась я мужчине. – Уже поздно. Спасибо вам за предоставленную информацию. Пойду спать. Не люблю поездки на корабле. Так что, если не увидите меня в течение ближайшего времени, не пугайтесь, я просто отдыхаю в каюте. Во время плавания на меня нападает спячка. Сплю, как медведь в берлоге зимой, – приподняв бровь проговорила я, затем рассмеялась, видя, как мужчина едва сдерживает улыбку.

– Хорошо, буду знать.

Генрих встал, подал мне руку и проводил до каюты. Попрощавшись с ним, я разделась и просто-таки свалилась в постель, где и провела в наполовину сонном состоянии все время нашей поездки. Утром, в день прибытия в порт, я встала рано. Уложив красиво волосы на голове в затейливую

прическу и надел белое муслиновое платье, я была вполне удовлетворена своим видом.

– Вы понравитесь графу, – при виде меня констатировал факт мужчина.

– У меня нет такого намерения, Генрих. Просто люблю выглядеть безупречно независимо от того, дома я или в гостях.

– Я без подтекста это сказал. Вы просто хороши собой. Почему вы еще не замужем? Вам же двадцать с небольшим, и вы так красивы, – пристально окинув меня взглядом спросил мужчина.

– Отец пытался выдать меня замуж несколько раз. Но он не ожидал, что в этой области я окажусь настолько непреклонной. Я тогда ему сказала, что-либо сама выберу с кем идти рука об руку, либо останусь одна. Он с уважением отнесся к моему решению, за что ему очень благодарна. До сих пор я не встретила такого человека, с которым бы хотелось провести остаток жизни. Потом отец тяжело заболел, мачеха умерла, и мы остались без средств к существованию. Приходится много работать, чтобы как-то выжить. Да и сестру надо хоть немного на ноги поставить, ей учиться полгода в школе еще. Школа хорошая, но платная. Так и живу. Краски, картины, мастерская, заботы, – печально улыбнувшись ответила я, опираясь на протянутую руку моего спутника пока мы спускались по трапу к экипажу, который ждал нас в порту.

– Ну, у вас все впереди.

– Двадцать лет – это уже не впереди. Это на грани, скорее всего, – хмыкнула я.

– Не преувеличивайте, – рассмеялся мужчина в ответ. – Это самый прекрасный возраст! Вы уже не несмышленная наивная девочка. а умная молодая барышня, которая знает, чего хочет от жизни и от брака. Это многого стоит. Поверьте мне. А денежные проблемы скоро у вас закончатся. Сделаете работу и расплатитесь со всеми долгами.

– Дай то бог. А вы? У вас есть семья?

– Да. Жена и сын. Они еще в Америке. Закончу дело с вашим обустройством и поеду их забирать сюда. Граф щедро платит мне за мою работу. Я смог накопить на небольшой дом. Теперь можно и семью везти.

– Жаль, думала, что хоть вы будете рядом, пока я буду работать здесь.

– Ничего, вы справитесь и без меня, не тот у вас характер, чтобы нос вешать, – усмехнулся Генрих.

Усевшись в красивый черный экипаж, запряженный парой великолепных жеребцов, мы отправились в путь. За окном мелькали деревья бесконечного леса. Приятная прохлада пробивалась в экипаж и давала насладиться невероятно чистым воздухом, наполненным запахом прошлогодней листвы, ароматом цветов и трав. Поместье графа находилось довольно таки далеко в глубине этого огромного леса, на возвышенности, у подножия которой располагалась небольшой, но такой красивый городок. Проезжая извилистыми улица-

ми города, я попросила остановить возле местного рынка.

– Куплю что-то малышке в подарок и быстро вернусь, – сказала я Генриху и пошла бродить между прилавками.

У одного продавца различных игрушек я увидела красивую миниатюрную куклу с белыми волосами, одетую в искусно сшитую одежду. Кукла выглядела маленькой модницей и я не колеблясь ее купила, подумав, что в семь лет была бы рада такому подарку. Продавец упаковал ее в красивую коробочку и я, забрав сие чудо, пошла к экипажу. Вдруг кто-то меня резко схватил за руку. Обернувшись, я увидела пожилую цыганку.

– Бойся красной луны. Сойдет кровь – спадет пелена. С какой стороны посмотришь, так и жизнь пойдет. Не все то, что мы видим, явное. Гляди глубже, и дьявол растает. Вторая рожденная заберет все, – в каком-то ступоре проговорила она, смотря на меня своими пронзительными глазами.

Потом она так же резко отпустила мою руку и скрылась в толпе, оставив меня в недоумении смотреть ей вслед. Пожившись, я направилась к экипажу.

– Странно так, – сказала я Генриху, усаживаясь на сиденье, – мне только что цыганка слова такие непонятные сказала.

– Цыганка? – с напряжением в голосе проговорил мужчина.

– Да, старая такая, – задумчиво окинув взглядом толпу ответила я. – Она точно что-то мне предсказала, только я не

поняла смысла.

– Не обращайтесь внимание. Здесь много ходит разных горе – предсказателей. А по факту все хотят золота.

– Нет, она ничего не просила. Она просто сказала и ушла.

– Еще раз говорю, не стоит принимать близко к сердцу. Я знаю, что здесь много бывает нечестных людей, – строго проговорил мужчина.

– Может вы и правы. Только у нас в России считают, если цыганка что-то предрекает, то к этому надо прислушиваться. Дьявол растает, что она имела ввиду? И кто такая вторая рожденная? – задумчиво проговорила я сама себе, глядя в окно.

Минут через пятнадцать наш экипаж заехал на возвышенность, и мы оказались у красивого огромного дома. Замком его назвать нельзя было, построен он был не так давно на мой взгляд, но размеры у него были внушительные.

– Вот это да! – восхищенно проговорила я, выпрыгивая из экипажа.

– Красиво, правда? – спросил Генрих.

– Это чудо какое-то! Чудо архитектуры!

– Этот дом начал строить еще прапрадед графа. Заканчивал строительство уже сам Джастин. Он очень любит этот дом.

– Да как можно не любить такую красоту! – проговорила я, подойдя к дому и проводя рукой по его белоснежной стене. – Невероятно! Он такой теплый. Вы не поймете. Я чув-

ствую всегда, когда что-то излучает или холод, или тепло. Будь то картина, ваза, или другое произведение искусства. Когда что-то создавалось с любовью, то оно и излучает любовь. Этот дом тоже строили с любовью. Иногда и людей так же чувствую.

– Смешная вы, Алиса, – усмехнулся Генрих.

– Почему смешная? Вы не творите, а творцы всегда обладают таким чутьем. У всех, правда, оно разное. У меня вот такое. Я чувствую тепло.

В этот момент входная дверь отворилась и на пороге появился дворецкий, мужчина лет шестидесяти, с смешными длинными бакенбардами и таким надменным взглядом, будто бы это именно он и был здесь хозяином.

– Мадмуазель, месье Генрих, проходите. Мы вас ждали, – мужчина учтиво склонил голову и жестом пригласил войти.

– Спасибо, – улыбнувшись дворецкому я прошла внутрь этого чудного дома.

Внутреннее убранство было столь же великолепно, как и наружная отделка этого чудо-дома. Колонны, высокий потолок, огромная люстра, дорогая мебель, персидские ковры, даже ручки дверные и те были с позолотой. Роскошь была во всем. Я, конечно, восхищалась такой красотой, но никогда не понимала того, как можно тратить такие огромные деньги, например, на ковры или шторы, вазы или статуэтки. Да и зачем все это одному только человеку? Ради чего? Чтоб вошедший гость в восхищении посмотрел на это убранство

и восторженно ахнул? И всего-то? А кто-то испытывал нужду, зарабатывая на кусок хлеба в то время, как другой ходил по коврам стоимостью в целое состояние. Неожиданно ход моих мыслей прервал детский крик, который слышался откуда-то со второго этажа дома. Я в испуге посмотрела на дворецкого, но тот словно ничего не слышал и как ни в чем не бывало давал распоряжение носильщику, объясняя, куда нужно отнести наш багаж. Крик прозвучал еще громче и я, не выдержав, побежала на второй этаж. Картина, представившаяся моему взору, заставила зашевелиться волосы на моей голове. В дверном проеме детской комнаты я увидела маленькую девочку, стоящую на подоконнике распахнутого окна. Тихонько приоткрыв дверь, я увидела мужчину, который спокойной стоял возле самого подоконника и, казалось, совершенно не пытался помочь ребенку.

– Мама, она там. Я ее вижу, – проговорила девочка, указывая рукой куда-то вдаль.

– Виктория, там нет твоей матери! Слезь с окна и прекрати выдумывать! – сухо проговорил мужчина.

– Нет! Она там, я ее вижу! Я хочу пойти к ней, – прохныкала девочка и стала на самый край подоконника.

Мужчина же сохранял ледяное спокойствие и даже не пытался что-то сделать. У меня же внутри все похолодело от увиденного. Я подошла сзади к мужчине и рывком отдернула его от окна:

– Отойдите, – гневно сказала ему я.

Мужчина, недовольно сверкнув своими голубыми глазами, проговорил:

– Не вмешивайтесь, мадмуазель.

– Я сказала, отойдите! Дайте мне поговорить с ней. Иначе она шагнет в окно.

Мужчина отошел в сторону, а я присела на край подоконника, ласково обратившись к маленькому созданию:

– Виктория, здравствуй.

Девочка удивленно посмотрела на меня.

– Ты кто? – спросила она.

– Меня зовут Алиса. Я только сейчас приехала к вам, буду работать у твоего папы.

– Зачем у него работать? – спросила девочка, явно заинтересованная моим появлением.

– Я буду ему кое в чем помогать.

– Ему не нужна помощь. Он сильный, – малышка враз нахмурила брови.

– Ну, даже сильным людям иногда нужна помощь. Сильные не все умеют делать. Давай ты слезешь с окна, и мы с тобой познакомимся поближе.

– Нет, хочу к маме, – девочка отвернулась и посмотрела куда-то вдаль.

– А где твоя мама? Ты можешь мне ее показать? – лихо-радочно пытаюсь сообразить, что говорить в такой ситуации, я мельком посмотрела на отца, который молча стоял рядом.

– Да. Смотри, она там, где озеро. Видишь? – тихо сказала

малышка.

Я выглянула в окно, одной рукой осторожно обнимая девочку за талию и моля бога, чтобы она не упала.

– Вижу. На ней красивое платье и модная шляпка?

– Да, да! Видишь, папа, Алиса ее тоже видит! А ты мне не веришь! – девочка с такой надеждой посмотрела на своего отца, что у меня внутри все перевернулось.

Мужчина же продолжал смотреть холодным взглядом и ни один мускул на его лице не выдал его чувств, чем просто вывел меня из себя, и я презрительно поджала губы.

– А давай, Виктория, ты меня сейчас покормишь чем-то, что есть на вашей уютной кухне? Я приехала издалека, очень устала и хочу есть. А потом мы пойдем к озеру и отнесем твоей маме цветы.

Девочка повернулась ко мне и долго смотрела мне в глаза, будто бы пытаясь понять, говорю я правду или вру ей.

– А ты не обманешь? – наконец произнесла она. – Мы отнесем ей цветы?

– Не обману, обещаю, – утвердительно кивнула я головой.

Малышка обняла меня за плечи, я легко подняла ее и взяла на руки. Она была такая худенькая! Почти невесомая! Она так крепко обнимала меня за шею, будто бы боялась, что я исчезну. В этот момент в детскую вбежала женщина лет сорока пяти в строгом платье, с гладко зачесанными волосами, собранными в пучок на затылке. Женщина испуганно смотрела то на меня, то на отца девочки.

– Где вы ходите, Генриетта? Девочка чуть было не выпала в окно! – прорычал мужчина.

– Я только на секунду отлучилась. Она попросила принести ее мишку, которого мы забыли в столовой, – невнятный лепет с лихвой выдавал состояние няньки, которая, скорее всего, до жути боялась мужчину.

– Еще одна такая оплошность, и вы вылетите с работы в два счета, – жестко проговорил отец малышки. – Возьмите девочку и займитесь ею. А вы следуйте за мной, – обратился он ко мне.

– Алиса, ты же обещала! – заплакала девочка, когда ее забирала нянька.

– Если обещала, значит сдержу слово. Сейчас переговорю с твоим папой, и мы пойдем с тобой на озеро, – поправив на голове девочки ленту сказала я.

– Не забудь только, – нахмуренные, маленькие глазки строго посмотрели на меня.

– Не забуду, одевайся и жди.

Отпустив девочку, я проследовала за мужчиной в кабинет.

– Присаживайтесь, – кивнул мужчина на стоящее кресло напротив его рабочего стола.

Я села и наконец-то смогла хорошо рассмотреть хозяина этого дома и отца Виктории. Передо мной сидел красивый мужчина с тонкими аристократическими чертами лица. Легкая седина на висках выдавала следы непростой жизни.

Волевой подбородок и чувственные губы с легким оттенком презрения в усмешке, дерзко приподнятая бровь и надменный взгляд говорили о том, что человек передо мной сидит властный, гордый и достаточно высокомерный. Небесно-голубые глаза обрамляли длинные ресницы. Взгляд же этих глаз был настолько холодным, что было не по себе, когда он поднимал на меня свой взор.

– Начну с того, что только что произошедшее в детской больше повториться не должно. Никакого озера, никаких цветов якобы для матери, никакого потакания ее выдумкам. Иначе вы здесь не работаете. Вы меня поняли? – едва ли не прорычал он мне.

Я сидела и просто молчала.

– Почему молчите? – спросил раздраженно он.

– Соображаю, мне расплакаться от вашей речи и виновато склонить голову, или же встать, сказать вам до свидания, и покинуть этот прекрасный дом с таким негостеприимным хозяином, – съязвила я, до жути недовольная таким пренебрежительным отношением ко мне, как к приехавшему работнику.

Мужчина явно опешил от такой речи и угрожающе сузил свои глаза.

– Вы не поняли, что я сказал?

– Нет, отчего же, я все поняла. Трудно было бы не понять настолько располагающую речь. А теперь скажу я. Вот приехала в этот дом реставрировать картину и первое, что уви-

дела, это еще более ужасную картину, чем ту, над которой мне предстоит работать. Бедная малышка и бесчувственный, жесткий отец. Зрелище не из приятных. Поэтому, мое условие, если я остаюсь возвращать к жизни вашу картину, то с девочкой буду общаться. Это первое. Второе – я не позволю вам говорить со мной в таком тоне. Если вы думаете, что платите огромные деньги и таким образом покупаете покорность, то это не про меня. Уважение и еще раз уважение и только тогда я буду работать с вами.

– Не слишком ли много вы на себя берете? – презрительно проговорил мужчина.

– А вы? – в тон ему ответила я.

– Вы мне не подходите, – проговорил он испытывающе глядя на меня.

Я ничего не ответила, только встала, взяла свою накидку и проронив небрежное «задаток вам верну» направилась к выходу. У двери я наткнулась на Генриха, что-то оживленно обсуждающего с дворецким.

– Отвезите меня в город, в гостиницу, пожалуйста, – спокойно попросила я.

– Что случилось, Алиса? – удивлению Генриха явно не было предела.

– Ничего, просто работать здесь не буду, – пожав плечами я переступила порог дома.

– Черт, – выругался Генрих, схватил мой чемодан, и мы пошли к экипажу.

Усевшись в него мы пару минут ехали молча, затем мужчина сказал:

– Не нужно вам было вмешиваться в его отношения с девочкой. Я же вам сказал, что он непростой человек. С ним нужно помягче быть. Вы же барышня.

– Он просто невыносимый богатый хам, который думает, что за деньги можно купить все, – я настолько была возмущена произошедшим, что едва могла сдержать свои эмоции.

– Алиса, ради таких денег, которые он заплатил бы вам за работу, можно было бы и потерпеть, – развел руками мужчина.

– Нет таких денег, за которые я буду терпеть неуважение к себе. У вас здесь, возможно, так и принято. Но меня отец учил тому, что, если человек позволяет себе высказывать к тебе неуважение, не следует иметь никаких дел с ним. Ни за какие деньги.

– Гордая, молодая барышня. Глупо, – мужчина явно был другого мнения о работе и о том, что можно вытерпеть и за какую сумму.

– Может и глупо, но я по-другому не могу. Просто не умею.

– Следующий корабль теперь только через три дня. Я вам сниму здесь номер в небольшой гостинице. Хозяйка – моя хорошая знакомая.

– Спасибо. За три дня я смогу посмотреть окрестности. Место здесь очень красивое. Я в любом случае рада этой по-

ездке. Любой опыт ценен. А задаток верну вам по приезду

Подъехав к двухэтажному небольшому зданию, увитому плющом, мы вышли из экипажа и направились внутрь. Навстречу нам выбежала невысокого роста пухленькая женщина с смешными ямочками на щеках.

– Эльза, познакомься, это мадмуазель Алиса. Она остановится у тебя на три дня, пока не прибудет ее корабль. Пожалуйста, проследи, чтоб все было идеально, – проговорил Генрих обращаясь к ней.

– Конечно, Генрих, все как ты скажешь! – женщина подошла и поцеловала мужчину в щеку.

«Любовники» – подумала я и улыбнулась. Мне всегда нравилось наблюдать за влюбленными парами. От них исходила такая энергетика, что я невольно представляла, каким же будет мой первый опыт. Душа требовала любви, но у господ бога были свои планы на этот счет. «Возможно, мне так и не посчастливится полюбить», – грустно подумала я и направились в свою комнату, следуя за весело щебечущей хозяйкой заведения. Раздевшись я упала на кровать и разревелась, ведь так надеялась на эту работу, но мой непокорный характер уже в который раз не позволил мне идти против своих взглядов. Прорыдав около часа, я заснула крепким сном. Проснулась же уже ближе к вечеру, когда заходящее солнце окрасило горизонт в кроваво-красный цвет. Спустившись на первый этаж, я нашла хозяйку в небольшой уютной столовой, в которой витал непередаваемый запах свежееиспе-

ченный пирожков, ванили и мятного чая.

– Мадмуазель Алиса! Вы проснулись! Я сейчас накормлю вас своим фирменным блюдом и сварю вам чай из трав, которые растут только в наших краях, – засуетилась гостеприимная хозяйка.

– Спасибо, Эльза. Я очень голодна. С утра не было ни крошки во рту, – улыбнулась я и села около стола, накрытого белоснежной скатертью.

Женщина ушла на кухню и вернулась минут через пятнадцать, неся перед собой поднос с дымящимся мясом и рисом с какими-то неизвестными мне приправами. Поставив тарелки передо мной, она налила нам в чашки ароматный чай и под села за стол.

– Вы не против, если я вам компанию составлю? – спросила она.

– Нет, конечно! Мне приятно будет пообщаться с вами.

– Вы не здешняя. У вас акцент такой необычный, – прищурив глаза сказала она, глядя на меня поверх своей чашки.

– Я из России.

– Вот это да! Это далеко. А к нам какими судьбами?

– Я художница. Генрих предложил мне работу у графа Беверли. Но я не прошла собеседование, так сказать.

Женщина задумчиво смотрела на меня минуты две, затем проговорила:

– Вы не много потеряли. Разве что в деньгах.

– Почему вы так говорите? – нахмурилась я.

– Граф тяжелый человек. Нет, он не плохой, боже упаси! Я так не могу про него сказать. Он помогает всем и всегда. Город процветает благодаря ему. Все дети из нашего города, у которых есть способности и желание, закончив школу, отправляются учиться в лучшие заведения страны. Он все оплачивает из своего кармана. Здесь практически нет нищих и нуждающихся. Все сыты и при работе. Судостроительная компания, которой он владеет – одна из самых известных. Работники получают высокое жалование, – словно оправдываясь проговорила женщина.

– А что же тогда такое? – спросила я, понимая, что женщина чего-то явно не договаривает.

– У него просто очень тяжелый характер. Его отец был таким же, – уклончиво ответила она.

– Да то, что тяжелый, это я и так уже поняла. Но раз он так всем помогает, значит он хороший человек, – пожав плечами сказала я.

– Хороший. Но для вас лучше, что так сложилось. Работать в его доме – не самая лучшая идея, – было так странно слушать такую речь, ведь женщина словно была рада тому, что у меня ничего не вышло с работой.

– Вы говорите загадками, – бросила я в ответ.

– Наша жизнь здесь – одна сплошная загадка, – ответила Эльза.

– Вы меня заинтриговали. А жена графа, что с ней случилось?

– Она утонула, – сухо кинула мне в ответ общеизвестный факт женщина. – Она была очень хорошая, я знала ее. Граф никогда не посещает праздники в городе. А она любила приходить сюда. Всегда дарила подарки всем, смеялась, танцевала. Дети ее очень любили. Но потом забеременела и изменилась очень. Все реже покидала дом, затем и вовсе перестала появляться на людях. После рождения дочери спустя три года она пропала, – опустив глаза тихо закончила Эльза, ставя пустую чашку на стол.

– Да, странно. А граф, он любил ее? Или их брак был просто союзом двух людей с положением в обществе?

– Они очень любили друг друга. Когда была свадьба всех пригласили в поместье. Они были такими красивыми и счастливыми. Я помню хорошо этот день. Все горожане радовались за них. Отец Джастина не был счастлив в браке. Его жена меняла любовников, как перчатки и после рождения ребенка отдалась от мужа и сына, а спустя несколько лет, как говорят, скончалась от чахотки. Мальчика воспитывал отец. Еще он много времени проводил у местного священника. Тот для него до сих пор как второй отец.

– Да, странная история с этой его женой, – пробормотала я себе под нос, делая глоток душистого чая.

– В каждой семье свои секреты.

– Это точно. А где здесь церковь?

– На окраине города, – ответила женщина.

– Туда далеко идти?

– Пешком да. Но если вы ездите верхом, можете взять жеребца из моей конюшни и проехаться.

– О, было бы чудесно! Спасибо вам! – проговорила я в ответ, предвкушая поездку.

Закончив ужинать, Эльза отвела меня в конюшню, где из троих коней я выбрала себе черного жеребца с белой полосой на носу.

– Этого зовут Грек, так его назвал мой покойный муж. Он очень спокойный, но быстрый. Никогда не оставит своего наездника. Можно даже не привязывать его нигде. Просто отпустить. Он никуда без вас не пойдет, – дав кусочек сахара животному сказала женщина.

– Грек, – потрепав по сильной шее коня я протянула ему морковку, кусочки которой лежали в небольшом ящике, стоящем на деревянном столе в углу конюшни.

Животное осторожно взяло лакомство из моей ладони своими теплыми губами и благодарно закивало головой.

– Он такой забавный! – воскликнула я и засмеялась.

– Да, чудесный конь. Ну, поезжайте. Только долго не задерживайтесь. Вы не знаете еще города, а на носу ночь. Чтобы я не переживала, пожалуйста, не задерживайтесь допоздна, – беспокойно проговорила Эльза.

– Хорошо, – запрыгнув на коня я погнала его в направлении церкви и спустя минут двадцать оказалась возле старинного здания с высокой колокольней, украшенной вычурной лепниной.

Спрыгнув с лошади и привязав ее к стойлу, я прошла внутрь здания, прислушиваясь к тому, как звук моих шагов эхом отдается в высоких куполах церкви. Подняв голову вверх, я залюбовалась прекрасными фресками, которыми были расписаны потолки. Сквозь разноцветные витражи пробивались последние лучи заходящего солнца и освещали разноцветными отблесками красоту этого оплота мира и смирения. Подойдя к алтарю, я зажгла свечу и закрыв глаза начала молиться. Прочитав молитву, открыла глаза и увидела старенького священника, который с интересом наблюдал за мной, медленно перебирая своими тонкими пальцами четки, которые издавали едва слышимый шорох в тишине, окутывавшей церковный мир этого здания.

– Здравствуйте, – поздоровалась я улыбнувшись.

Священник спустился по ступенькам ко мне и указал на стоящую лавку, приглашая меня сесть. Я села и молча уставилась на мужчину, не зная с чего начать разговор.

– Меня зовут отец Дамиан, – тихим голосом представился мне священник.

– Я Алиса.

– Вы не здешняя, – улыбнулся отец Дамиан, прищурился глаза.

– Да, я из России.

– А что вас привело сюда, Алиса?

Я рассказала ему цель и итог своего неудачного приезда в эту страну. Он внимательно выслушал и все так же переби-

рая четки проговорил:

– Вы не держите зла на Джастина. Он хороший человек, вот только жизнь у него трудная.

– Да я и не держу. Я его всего-то видела несколько минут. Хам он, конечно, еще тот! Этого у него не отнять, – усмехнулась я, вспоминая надменный взгляд мужчины.

– Да, что есть, то есть. Положение всегда накладывает свой отпечаток на человека. Может вы бы попытались еще раз с ним поговорить? Ведь проделали такой путь длинный, а возвращаетесь ни с чем. Да и ему нужна помощь, это я точно знаю. Просто он не умеет о ней просить, – осторожно сказал священник и опустил четки рядом с собой на лавку.

– Я знаю, что не первая отказываюсь работать в его доме.

– Да, не первая. Но те, которые раньше брались за работу, были слишком тонкими натурами и не выдерживали его требований. Вы же слишком горды. Тут коса на камень нашла просто, – священник явно был знатоком человеческой природы и поэтому прямо-таки попал в точку всей этой ситуации.

– Я остановилась у Эльзы в местной гостинице. Она говорила, что вы как отец графу.

– Да, я всегда рядом с ним был, пока он был ребенком. Сейчас уже он взрослый мужчина, захаживает ко мне довольно редко, советов уже не спрашивает. Изменился очень. Хотя делает огромные пожертвования на церковь и воскресную школу. Но не все меряется деньгами. Он так этого и не понял, к сожалению, – по тону, которым мужчина говорил о

Джастине, я поняла, что он и правда очень переживал о нем.

– Знаете, святой отец, меня больше беспокоит его дочь, – ответила я и рассказала о случае в доме.

– Бедняжка очень страдает. Я каждый день молюсь за ее душу.

– Хотела ей помочь, но в итоге оказалась без работы. Но с первой секунды поняла, что малышке нужен друг. Вот что с ней там будет? Как она живет? Не понимаю, – мне до боли не нравилось то, что я увидела в том доме, в котором было все, кроме того, что так было необходимо маленькой девочке, отчаянно цеплявшейся за память матери.

– Джастин никого не слушает. В этом его беда. Из любой ситуации можно найти выход, порой нужно только довериться кому-то из близких. Но он наоборот от всех отошел после рождения дочери. Если не найдет свой путь, то я не знаю к чему это все приведет. Хоть бы исповедался, душу бы облегчил, а то совсем забыл уже, что это такое, – ответил священник.

– Да, странный человек. И денег море, а счастья нет. Скажите, а что значит термин красная луна? – мне жуть как не давала покоя мысль о том, что тогда наговорила мне цыганка.

– У нас это значит новая луна. В языческих обрядах использовали этот термин, да и сейчас используют. Это время перехода луны в новолуние. А почему это вас так интересует? – пристально окинул взглядом меня мужчина, нахмутив

брови.

– Мне одна цыганка здесь какое-то предупреждение сделала. Я не могу понять смысла. Она сказала, чтобы я боялась красной луны и смотрела куда-то глубоко, дьявол растает, и вторая рожденная какая-то все заберет. Для меня тарабарщина просто все эти слова. Я почему и пришла к вам. Возможно, вы что-то сможете сказать мне насчет этого всего? У нас к пророчествам и предупреждениям цыган относятся очень осторожно. Особенно если они такие спонтанные.

Священник нахмурил брови и долго пристально смотрел на меня.

– Не должен такое вам говорить, но я бы просил вас остаться здесь, если это возможно, – немного резко сказал он и я удивленно посмотрела на него.

– Зачем? – протянула недоверчиво я.

– Вам лично это пророчество ни к чему, если вы уедете. Но оно, возможно, сможет помочь другому человеку, если вы останетесь, – расплывчато ответил мужчина, отведя свой взгляд.

– Какому человеку? – не унималась я.

– Не могу вам всего сказать. Придет время, и вы все узнаете.

– Зачем вы тогда просите меня остаться здесь? – возмутилась я. – Если ничего объяснять не хотите?

– Потому что от вас многое зависит, – все какими-то загадками отвечал этот тайник в темной рясе.

– Что зависит? – я уже готова была взорваться, поскольку до жути ненавидела всякого рода недомолвки.

– Каков будет выбор ваш, таковы и будут последствия для всех. Но, если вы уедете, то просто будете жить дальше и все. Больше вам ничего сказать не могу. Но господь не просто так вас привел сюда ко мне, это очевидно.

– Да что вы говорите загадками!? Объясните мне поконкретнее. Как же я пойму, что мне сделать? – строго проговорила я.

– Сердце подскажет, – улыбнулся мне в ответ священник.

– А если не подскажет?

– Значит ваша дорога другая, а человеку тому, которого это все касается – крест нести свой до конца жизни.

– Вот и нашла ответ, называется, – хмыкнула я и встала со скамьи.

– Это не тот случай, где я могу помочь вам ответ найти. Это слишком сложная ситуация. Только сердце направит вас. Слушайте его, – назидательным тоном сказал мужчина.

– Ладно, спасибо за помощь, святой отец, – язвительно проговорила я и попрощавшись направилась к выходу.

– Мадмуазель, – окликнул меня священник уже у выхода. – Все, чем я могу вам помочь, это молитва. Буду молиться о вас и о вашем правильно принятом решении. Берегите себя.

– Спасибо, – уже более мягко проговорила я и вышла на улицу.

Сев на своего скакуна, я погнала его галопом в гостиницу, где, оставив лошадь на попечение конюшего, вернулась в свой номер и забылась крепким сном.

Проснувшись утром и позавтракав, я обратилась к Эльзе, которая сидела у стола и собирала небольшие букетики из цветов, которые тут же ставила в милые вазочки голубого цвета, которыми она, скорее всего, украшала комнаты:

– Можно я возьму лошадь? Поеду и посмотрю окрестности. Сидеть целый день не хочется в номере.

– Конечно! Только у меня одна просьба. Не ездите на северную сторону склона, там поселение цыганское. Обычно там случаются невесть какие неприятные вещи. Лучше туда не показываться одной.

– Хорошо, не поеду. Обещаю, – улыбнулась я и поблагодарив хозяйку пошла в конюшню.

Оседлав Грека, я направила его в сторону озера, которое мне показывала вчера в окно малышка Виктория. Путь к нему лежал по дороге, проходящей через многовековой лес. По обе стороны мощеного пути росли необъятные деревья-великаны, которые отбрасывали тень на местами покрытую мхом дорогу, по которой, скорее всего, ездили не так часто. Сколько было им лет, этим безмолвным наблюдателям леса? Что видели они на своем веку, эти красавцы-дубы, покрытые мхом? Чему были свидетелями? Жаль, они не могли говорить. Я бы с удовольствием послушала многовековую историю этого необъятного леса, простирающегося на много

миль вокруг.

Грек мирно шел по дороге, давая мне насладиться этим зеленым великолепием. Смешные белки прыгали с ветки на ветку, сопровождая меня на моем пути. Где-то совсем рядом ритмично отстукивал мелодию дятел. Дорогу перебежали быстроногие зайцы. Это было так умиротворяюще, ехать на творении природы и наслаждаться красотой окружающего мира. В какой-то момент спокойствие моей поездки нарушил крик ребенка. Это явно кричала Виктория. Крик «мама, мама» раздавался где-то совсем рядом и я, пустив лошадь галопом, выехала к подножию склона напрямик к самому озеру. Оглядевшись, я увидела в сотне метров от меня несущуюся со склона маленькую девочку, а далеко позади бегущих за ней графа и ее няньку. Девочка стремительно приближалась к обрыву, и я поняла, что если она не остановится, то просто сорвется вниз напрямик в озеро. Не колеблясь ни секунды, я спрыгнула с лошади и помчалась наперерез малышке.

– Виктория, остановись, слышишь!?! Виктория! – я что есть мочи кричала, но малышка совершенно не обращала на меня внимание.

Всего какие-то доли секунды, и она упала с обрыва, скрывшись под водой. Не теряя ни минуты, я нырнула вслед за ней. Темная пучина холодной воды накрыла меня с головой. Виктория была где-то рядом, и я погрузилась еще глубже, стараясь разглядеть ее в этой крошечной тьме. Вдруг мое

внимание привлек блестящий ободок у нее в волосах. Сделав судорожный гребок руками, я сумела схватить ее за рукав платья и потянула наверх. Кислорода судорожно не хватало. Девочка хоть и была маленькой, но от намокшей одежды казалась мне ужасно тяжелой. Сделав последнее усилие, я вытолкнула ее на поверхность, зацепившись при этом подолом своей юбки за что-то невидимое мне в воде. Девчушку сразу подхватил кто-то наверху и потянул к себе. Я же, теряя сознание пошла ко дну. Странное чувство начало цеплять меня своими мерзкими лапами, чувство, когда ты не можешь дышать и просто втягиваешь воду в свои легкие, пока тебя не накрывает темное забвение скользких лап смерти. Очнулась я от того, что меня разрывал мучительный кашель. Я села и откашливая наполнившую меня воду, делала судорожные вдохи. Немного переведя дух, я упала назад на землю, вдыхая такой необходимый мне воздух и наконец увидела склонившегося надо мной Джастина.

– Слава богу, жива! – проговорила беспокойно стоящая рядом Гертруда, державшая на руках Викторию.

– Вы в порядке, Алиса? – мужчина убрал прядь мокрых волос с моего лица и помог мне сесть.

– По-видимому да, раз имею честь лицезреть вас! – сказала я с усмешкой.

Мужчина интуитивно прижал меня к своей груди, зарывшись носом в мои мокрые волосы и проговорил:

– Вы дочь мою спасли! Спасибо вам!

От него исходило такое тепло, что я невольно прильнула к нему. Я редко чувствовала энергетику людей, но с ним было иначе. Было так необычно и волнительно в этот момент, что я прильнула к нему и разревелась, осознавая, что всего мгновение назад была на волосок от гибели.

– Девочка, как она? – сквозь слезы спросила я и встала на ноги.

– Все хорошо, напугана только. Вы вовремя подоспели, – ответила мне нянька и пошла с малышкой в сторону дома.

– Вам нужно обсохнуть и переодеться. Я отнесу вас к нам в дом, – сказал Джастин, видя, как я еле стою на трясущихся ногах.

– Не надо меня нести, здесь лошадь моя рядом, – скривилась я, услышав от него такую фразу.

Я свистнула и позвала Грека, который тут же выбежал из леса, смешно раздувая ноздри и нервно перебирая копытами, издавая при этом недовольное ржание, словно ругая меня за то, что оставила его одного.

– Лошадь Эльзы. Вы у нее остановились? – помогая сесть мне в седло спросил Джастин.

– Да, – прошептала я, едва переводя дыхание.

Взяв Грека за поводья, он повел его по склону, по направлению вверх к особняку.

Подойдя к дому, он остановил коня и помог мне спуститься с него. Я же просто без сил рухнула ему в объятия, судорожно вцепившись в его крепкое тело. Джастин был намного

выше меня и мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. Всего какая-то доля секунды, но я смогла за это время увидеть в нем нечто другое, то, что мне вчера не удалось рассмотреть в том надменном и жестоком аристократе, сидящем передо мной за столом в кабинете. Интерес, доброта, человечность, так бы я описала то мимолетное видение в его взгляде устремленных на меня небесно-голубых глаз. Но видение так же быстро улетучилось, как и появилось. Взгляд мужчины снова стал безразлично холодным, и я поспешила освободиться из его объятий.

– Пройдемте в дом, пообедаете и смените одежду, – сказал мужчина.

– Спасибо, ваше величество, – хмыкнула я в ответ и направилась внутрь, краем глаза уловив его улыбку.

– Кристин, – пройдя за мной внутрь дома позвал Джастин кого-то и навстречу нам выбежала пухленькая служанка лет сорока.

– Да, господин граф, что прикажете? – улыбаясь милой улыбкой спросила она.

– Приготовьте ванную для гостыи и отведите ее в гардеробную, пускай выберет себе платье, – кивнул он в сторону лестницы и направился в свой кабинет.

– Слушаюсь, следуйте за мной, – сказала женщина, и я направилась за ней на второй этаж.

Приняв ванную, я пошла в гардеробную за служанкой.

– Здесь платья покойной госпожи. Вам должно что-то по-

дойти, ведь вы практически одинакового телосложения. Она была только немногим выше вас.

В гардеробной висело огромное количество одежды. Все говорило о том, что память о человеке, когда-то носившем их, бережно чтится хозяином этого дома. Проведя рукой по великолепным тканям, я остановилась на платье из синего бархата, отделанном белым кружевом. Затем Кристин расчесала мне волосы и помогла уложить их в красивую прическу.

– Ну вот, теперь значительно лучше, – улыбнулась она. – А вашу одежду я приведу в порядок, и вы сможете тогда ее забрать.

– Благодарю вас.

– А теперь пройдемте в гостиную, господин граф ждет уже вас.

Спустившись на первый этаж, я прошла в комнату, где за накрытым столом меня ждал хозяин дома. Он сидел и пристально смотрел на меня, пока я усаживалась за стол.

– Хочу еще раз поблагодарить вас. То, что вы сделали, для меня бесценно. Вы сами могли погибнуть, но не колеблясь кинулись спасать мою дочь.

– Так поступил бы любой на моем месте. Я рада, что Виктория не пострадала.

– Еще я хотел бы вернуться к нашему вчерашнему разговору и начать его заново.

– Не думаю, что это хорошая идея, – уклончиво ответила я.

– Почему? – он враз нахмурил брови, ведь явно не привык получать отказ.

– Мы с вами не сработаемся. Я слишком упертая и своеправная для того, чтобы работать с такой царской особой, как вы, – ответила я.

– Да, характер у вас еще тот, как для барышни, – усмехнулся он. – Но, если серьезно. Я вчера вспылил и хочу извиниться. Мне нужно восстановить картину. Поймите меня.

– А я вчера сказала, что если буду работать с картиной, то буду общаться и с девочкой. Это не изменилось. Если вы готовы дать такое разрешение, то с радостью вам помогу.

– Хорошо, общайтесь, если вам так хочется. Но хочу предупредить, приятного от этого общения не ждите. Виктория... больна, – хрипло ответил мужчина и по мелькнувшей боли в его глазах, я поняла, как сильно он все-таки ее любил.

– Знаю, вчера это поняла, – помолчав ответила я.

– Так я могу послать за вашими вещами к Эльзе? – осторожно спросил Джастин.

– Да, можете. И покажите мне, наконец, свою картину.

– Идите за мной, – он встал из-за стола и направился к своему кабинету, кивком головы приказав идти за ним.

В смежной с кабинетом комнате, отведенной под мастерскую для художника, я увидела большую картину, накрытую тканью. Джастин подошел к ней и снял покрывало.

Передо мной предстала испорченная вылитой на нее краской картина. Лицо женщины и ее тело невозможно было раз-

глядеть под слоем краски, лишь только подол синего платья не был запятнан этим чудовищным отношением к искусству. Поглядев на платье, в котором была я и сравнив его с нарисованным, поняла, что это оно и было.

– Это в этом платье нарисована ваша жена?

– Да, в нем, – сухо отчеканил граф.

– Кто испортил картину? – осторожно проведя пальцами по полотну спросила я.

– Я, – просто ответил граф.

– Зачем? – моему возмущению не было предела.

– Вы задаете странные вопросы.

– Не странные. Это обычный вопрос. Зачем вы испортили картину?

– Я не мог на нее смотреть.

– А сейчас сможете? Зачем ее восстанавливать, если вы не можете смотреть на изображение той, которая подарила вам дочь?

– Да что за вопросы? – гнев так и скользил в каждом слове мужчины.

– Еще раз говорю вам, я задаю обычные вопросы. Не хотите отвечать, значит не буду реставрировать. Реставрация – это как возвращение к жизни чего-то утраченного. Если оно человеку не дорого, зачем тратить время и силы? Я не просто беру деньги за работу. Я живу картинами. Они все живые. Если я дам ей вторую жизнь, она должна приносить кому-то радость, а не провоцировать на повторное уничтожение. Ну,

так как? Зачем ее реставрировать? – настойчиво добиваясь внятного ответа, спросила я.

– Для дочери, – хрипло проговорил Джастин. – Это для нее важно. Я надеюсь на то, что, видя свою мать хотя бы на картине, она перестанет видеть ее везде, понимаете? Она везде ее ищет взглядом, это ужасно. Идет по улице и смотря вдаль показывает ее мне. Или просит меня описать ее, какой она была. Какого цвета волосы, глаза, черты лица. Я схожу просто с ума от всего этого, но не могу помочь. Если увидит картину, я молю бога чтобы это состояние у нее прошло.

Он с такой болью смотрел на портрет, словно сквозь слой краски видел женщину, нарисованную на нем. Видел и винил. Но кого, я не могла пока понять. Винил ли он себя или ее. Пока это было загадкой для меня. Подойдя к картине, я приложила к ней руку и провела пальцами по шершавой глади полотна. На меня почему-то нашла такая тоска, просто невыносимая, что я отдернула руку.

– Хорошо, я все поняла. Просто сделаю это для вашей дочки. Да и для вас тоже. Вы же когда-то любили эту женщину, изображенную на картине.

– Спасибо вам. И еще одно, Алиса, вы не обращайтесь на мой тон или мое поведение. Я не смогу вести себя иначе. Мне нужно чтоб вы это понимали. Иначе вы снова хлопнете дверью, как и вчера, – проговорил Джастин и усмехнулся.

Я посмотрела на него и подойдя вплотную подняла на него

свои глаза.

– Можно я вас буду звать по имени? Мне так проще.

– Конечно.

– Джастин, могу только пообещать вам, что не хлопну дверь, как вчера, и доведу работу до конца. Мне она так же нужна сейчас, как и вам. Но если вы будете вести себя так со мной, как вчера, приготовьтесь к тому, что между нами будет война, – сделав реверанс я сделала шаг назад и пошла к выходу.

– Спасибо вам, Алиса, – хрипло проговорил мужчина за моей спиной.

– Пожалуйста, Джастин, – пропела я, не оборачиваясь и едва сдерживая улыбку.

Выйдя из мастерской, первым делом направилась в детскую. Подойдя к двери, я прислушалась. За ней доносился тихий шепот девочки.

– Мама, она спасла меня, эта Алиса. Она за мной нырнула, ты представляешь! И вытащила. А потом папа ее спас. Она хорошая, наверное. А еще она красивая, как ты прям. Ты не против, если я буду дружить с ней?

Приоткрыв тихонько дверь, я увидела Викторию, сидящую на кровати и смотрящую прямо перед собой, словно бы ее мать и правда стояла перед ней и слушала ее. Мне стало жаль малышку. Тихонько постучавшись я зашла в комнату.

– Алиса, я так рада, что ты пришла! – малышка вскочила и обняла меня. – Ты прости меня за сегодняшнее происше-

ствие, ты чуть не утонула из-за того, что я натворила сегодня.

– Ну не утонула же. Но ты так больше не делай, хорошо? Я не всегда буду рядом с тобой и может случиться так, что не смогу тебе помочь, – строгим тоном отчитала я малышку.

– Хорошо, постараюсь, – девочка нахмурила брови совсем как ее отец.

– А с кем ты тут говорила? – окинула я взглядом комнату.

– С мамой. Но она уже ушла.

– Понятно. Ты познакомишь как-то меня с ней, хорошо?

– Да, обязательно! Мама не против того, что мы будем дружить. Даже наоборот.

– Передай маме мою благодарность за это.

– А ты, ты не уйдешь больше? Ты вчера мне пообещала, что пойдешь к озеру, а сама уехала.

– Мы с папой твоим вчера повздорили, но сегодня мы обо всем договорились. Теперь я буду жить здесь и помогать ему.

– Ты будешь рисовать маму? – в словах малышки скользила едва уловимая надежда.

– Да, я буду рисовать твою маму.

– Это так здорово, спасибо тебе, – Виктория схватила меня за руки и принялась кружиться, увлекая меня за собой.

Так мы кружились и хохотали несколько минут. Затем девочка остановилась и проговорила таким серьезным тоном, который совершенно не вязался с ее детской непосредственностью.

– Ты только будь осторожна с папой. Он очень красивый

и хороший. Но иногда бывает плохим. Очень плохим.

– Он тебя обижает? – осторожно спросила я.

– Нет, не меня, он обижает... – малышка не успела закончить фразу как в комнату вошла нянька.

– Мадмуазель Виктория, вам пора спать. Обеденный сон очень важен в вашем возрасте, – Генриетта строго обратилась к девочке, и та умолкла. – Извините нас, мадмуазель, нам нельзя нарушать режим. Господин граф будет сердиться, – обратилась нянька ко мне.

– Да, конечно, – кивнув я вышла из комнаты и направилась искать служанку.

Подходя к кухне, я услышала разговор Кристин с дворецким:

– Такая молодая и в этом доме. О чем думал Генрих? Что теперь делать? Глаз не спускать с нее в тот период?

– Кристин, ты знаешь, как они выходят из ситуации. Экспессов не должно быть.

– А если будут? – вспыхнула служанка.

– Не будет, господин граф знает, как справляться с этим.

– Да против этого же не попрешь, не дай бог! Как с хозяйкой тогда получилось. Я такого еще раз не переживу!

– Мы толком то и не знаем, что тогда случилось, так что держи себя в руках, Кристин, а свой язык за зубами, – гневно ответил ей дворецкий.

«Вот так-так, что тут у них происходит?» – подумала я и зашла в комнату. Кристин сразу же нарисовала на лице сво-

ем улыбку, а дворецкий откланявшись вышел.

– Кристин, покажите мне мою комнату, пожалуйста. Я очень хочу отдохнуть.

– Да, конечно, барышня. Пойдемте за мной.

Поднявшись на второй этаж, она открыла дверь ключом в одну из комнат.

– Это лучшая комната в доме. Когда-то здесь жила мать господина графа. Теперь она пустует. Думаю, вам здесь понравится. Ваши вещи привезут часа через два. Если нужно переодеться, то смело можете брать платья в гардеробной. Дверь закрывается на ключ, на ночь лучше запираться.

– Почему?

– Просто так... Я так всегда делаю..., – женщина явно не знала, что ответить на мой вопрос.

– Хорошо, я буду обязательно запирать дверь на ключ, – ответила я утвердительно, поскольку мне хотелось успокоить явно напуганную чем-то женщину.

Кристин издала едва заметный вздох облегчения и проговорила:

– Моя комната через одну дверь направо от вашей. Если что-то будет надо, в любое время, зовите меня. Дворецкий живет в комнате в конце коридора. Виктория вы знаете где. Ее нянька в смежной комнате с детской.

– А Джастин?

– Вы уже с ним на «ты»? – приподняла брови женщина, явно удивленная этим.

– Да, мне так проще, – безразлично пожала я плечами.

– Ох ты боже мой! – женщина осуждающе покачала головой, но я не подала вида, что меня это волнует. – Покои господина графа находятся в другом крыле. Туда разрешается ходить только мне и дворецкому.

– Я не собираюсь туда ходить. Просто спросила. Не переживайте.

Кристин кивнула мне, потрепала по плечу и вышла. Я же осталась в этой роскошной огромной комнате одна. Что у них здесь происходило, я не могла понять. Кого обижает Джастин? О ком говорила малышка? Почему Кристин боится того, что теперь я буду здесь жить? Куда я, черт побери, попала? Прав был мой отец, когда говорил, что я точно со своим характером найду себе приключения на свой нос. Раздевшись, я упала на кровать и забылась крепким сном. Проспала я так до самого вечера и когда, проснувшись, спустилась вниз, то увидела, что на столе стоит приготовленный мне ужин. Сев за стол и съев все до последней крошки, я направилась в мастерскую. В доме было тихо. Скорее всего, все уже отдыхали. Открыв тяжелую дубовую дверь, я зашла внутрь. Картина была снова накрыта полотном. Сдернув его, я отошла на пару шагов назад и посмотрела на сие испорченное произведение искусства. Взяв со стола инструмент и подойдя к картине, я осторожными движениями начала счищать краску, освобождая место тому, что было под ней. Потихоньку на свет начал пробиваться портрет, это были толь-

ко какие-то проблески, но я поняла, что изображенная женщина была блондинкой. Времени прошло довольно много, но мне удалось очистить всего несколько сантиметров. Посмотрев на часы, я увидела, что стрелки перевалили далеко за полночь. Спать не хотелось, и я продолжала работу до того времени пока первые лучи восходящего солнца не стали пробиваться через толстые портьеры на окнах. Где-то в другом крыле дома слышались едва слышимые шаги. Я поняла, что это, скорее всего, Джастин. Минут через пять он и правда зашел ко мне в мастерскую.

– Вы не спите? Рано же еще.

– Я вообще не спала ночью. Люблю работать, когда за окном темно и везде тишина. Так умиротворяет. Так что будьте готовы к тому, что работать я буду по ночам. Потом, когда устану, перейду на день, затем снова ночь.

– Ночью мне бы не хотелось, чтобы вы работали. В доме особый режим, – сухо бросил мужчина.

– Извините, но по-другому никак, – я дала понять, что будет так, как нужно мне.

– И все же я настаиваю.

– И все же я говорю вам, что работаю в такое время, которое удобно мне.

– Строптивная вы барышня, – усмехнулся мужчина.

– Какая есть, – съязвила я.

– Вы любите по утрам кататься на лошади? Если хотите, можете составить мне компанию сейчас. Если вы не слыш-

ком устали после бессонной ночи.

– Да, с радостью! – ответила я с горящими глазами, так как безумно любила верховую езду. – Но...

– Что?

– Я возьму костюм для верховой езды в гардеробе вашей жены, можно? У меня просто с собой нет подходящей одежды.

– Конечно, берите оттуда все, что захотите. Мне давно пора проститься с прошлым. Одежда часть его. А я все берегу ее.

– Я мигом, – радостно бросив инструменты в коробку я побежала переодеваться.

Надев на себя красивый коричневый костюм и натянув высокие кожаные сапоги, которые пришлись мне, как оказалось, тоже впору, я выбежала на улицу и пошла к конюшне. Джастин был уже там и расчесывал гриву своего черного красавца – скакуна. К своему удивлению я увидела в стойле и жеребца Эльзы, Грека.

– Вы не вернули лошадь? – испуганно спросила я.

– Нет, я ее купил для вас, – просто ответил мужчина.

– Да вы что! Зачем?

– Просто увидел, как вы трепетно к нему относитесь. А лошадь, это как друг. Ее тоже нужно найти свою. Не каждая лошадь подойдет человеку. Вы с Греком, по-моему, нашли друг друга.

– Но я же здесь ненадолго. Потом придется уезжать. Он

будет грустить, – я печально провела по длинной гриве красавца-скакуна.

– В чем проблема? Заберете с собой. Лошадей перевозят на корабле. Мой Тристан привезен из Турции еще жеребенком. Так что не стоит переживать.

– Спасибо вам, но это очень дорогой подарок, – не любила я принимать такие подарки, поскольку считала, что они к чему-то обязывают потом.

– Я думаю, вы стоите такого подарка, – усмехнулся мужчина и легко запрыгнул на своего скакуна.

Конюший оседлал моего Грека и я, вскочив в седло, вывела лошадь из конюшни. Джастин кивнул мне, давая понять, чтоб следовала за ним, и пустил своего жеребца легкой рысью. Я направилась за ним. Затем мы перешли на галоп и помчались по бескрайним просторам равнины, которая была с северной стороны поместья. Жеребец Джастина был быстрым, но мой Грек совершенно не уступал ему. Проехав так пару миль, мы оказались возле окраины леса. Спрыгнув с коней, мы направились в живительную тень, отбрасываемую вековыми деревьями. Где-то поблизости я услышала журчание ручья и сказал:

– Давайте напоим лошадей. Жарко сегодня.

– Да, конечно. Пойдемте.

Пробравшись сквозь низко повисшие ветви деревьев, мы оказались на небольшой поляне, которую делил надвое небольшой ручей. Подведя лошадей к воде, мы ждали пока,

они утолят свою жажду. Вдруг жеребец Джастина испуганно заржал и встал на дыбы. Мужчина со всей силы натянул его поводья, но животное не унималось, хрипя и нервно перебирая ногами.

– Что-то не так, он чувствует кого-то, – встревоженно проговорила я, оглядываясь вокруг в надежде увидеть то, что так напугало животное.

Неожиданно к нам из-за кустов малины вышла цыганка. Та самая цыганка, которая остановила меня на рыночной площади. В руке у нее была крюка и корзина с собранными ягодами. Она молча двинулась в нашу сторону. Жеребец затих и Джастин нервно сказал мне:

– Уходим.

– Нет, стойте. Она что-то хочет.

– Мне плевать, чего хочет эта старая ведьма. Я сказал уходим! – нервно проговорил он.

– Ты выбрала дорогу. Теперь все зависит от тебя. Будь осторожна, с демоном трудно совладать, – проговорила цыганка, подойдя ко мне и заглядывая мне в глаза.

Джастин же, резко отпустив своего жеребца, оттолкнул меня в сторону и подойдя вплотную к женщине замахнулся на нее хлыстом.

– Не смейте! – гневно закричала я на него, до жути испугавшись за старую женщину.

Он выругался, зло сверкнув на меня своими голубыми глазами, и взяв себя в руки отошел от женщины, вскочил на

коня и помчался прочь. Цыганка же, казалось, совершенно его не испугалась и лишь только усмехнулась, смотря ему вслед.

– А может и совладаешь, – бросила она мне фразу и пошла прочь, оставив стоять меня в недоумении.

Подойдя к мирно пасущемуся Греку, я погладила его по гриве и запрыгнув в седло галопом помчалась в поместье. Моего спутника нигде не было видно. Подъезжая к конюшне, я поняла, что он уже дома, так как конюший чистил его жеребца. Отдав ему поводья, зашла в конюшню и увидела Джастина. Мужчина стоял, склонив голову на руки и опираясь на перекладину стойла.

– Вы понимаете, что едва не ударили женщину сегодня? – тихо спросила я, подойдя к нему.

– Она не женщина, – не глядя на меня ответил мужчина.

– А кто же?

– Сатана, – прорычал он в ответ.

– Кто-то демон, кто-то сатана. У вас что здесь? Ад крошечный? – недоверчивым тоном проговорила я.

– Да, Алиса, у нас здесь ад. Вы еще просто не поняли этого, – мужчина повернулся ко мне и окинул пронзительным взглядом своих голубых глаз.

– И что мне прикажете делать? Дождаться пока я пойму это? Объясните, что происходит здесь? С вами что происходит? Почему вы хотели ее ударить? Она же ничего не сделала. Просто сказала снова какую-то несурязицу про демона.

– Снова? Вы уже видели ее? – его брови враз сошлись над переносицей.

– Да, в первый день своего приезда. Она подошла ко мне на рыночной площади, и кое-что сказала.

– Что она вам сказала?

– Да что-то про красную луну, дьявола, выбор, вторую рожденную. В общем, несурязицу какую-то несла. Ничего не поняла, – разведя руками проговорила я.

– Вам надо уехать, – он с такой злостью это проговорил, что у меня мурашки по коже побежали от этой его интонации.

– Что вы такое говорите?! Я никуда не поеду! Я только начала работу.

– Вы меня не слушаете. Вам надо уехать. Ради себя самой. Вы вчера едва не утонули. Это только начало.

– Перестаньте, вы меня пугаете, – я даже шаг назад сделала, словно пытаюсь держаться подальше от мужчины.

Он же резко схватил меня за плечи притянул к себе.

– Тебе и надо бояться меня, ты слышишь? Надо!

Я смотрела на мужчину и несмотря на его слова в этот именно момент мне не было страшно, поскольку в его глазах было столько боли и разочарования.

– Что здесь происходит? – только и прошептала я в ответ.

– Если не уедешь, то думаю, что все скоро узнаешь, – отпустив меня и печально улыбнувшись он развернулся и оставил меня одну.

«Вот так дела! Нашла себе работку. Демон, сатана, чуть не утонула, цыгане. О Боже! Куда я попала?!» – думала я, направляясь к себе в комнату. Проходя по коридору, я едва была не сбита с ног выбежавшей из своей комнаты Викторией.

– Куда летишь? – спросила я девочку, поймав ее за руку.

– К маме.

– А где она? – грустно спросила я.

– Она позвала меня гулять.

– Можно с тобой?

– Конечно, – радости девочки не было предела, на меня же эта радость навеивала какое-то удручающее состояние.

– Алиса, вам не стоит. Господин граф снова рассердится. – прошептала мне подошедшая нянька.

– Не рассердится. Мне нужно понять, что вообще такое здесь... – я не закончила фразу и пошла за девочкой на улицу.

Девчушка вприпрыжку поскакала в парк, находящийся перед домом. Там она села на скамью под большим дубом и начала болтать ногами. Я присела на край скамьи рядом с ней.

– Мама, со мной Алиса, познакомься с ней, – прозвучала серьезная реплика малышки.

– Виктория. А где твоя мама? – я смотрела на нее, пытаюсь понять, что с ней происходит.

– Да вот же она, рядом с нами сидит, – девочка посмотрела

на меня так, словно это я ненормальная.

– А ты можешь мне ее описать?

– Да, на ней красное платье и шляпка. В руках белый зонтик. У нее такие белые волосы и мушка на щеке. Она очень красивая.

– А что она сейчас делает?

– Она встала и рвет ромашки, – девочка кивнула в сторону цветочной поляны.

– А почему мама не живет в доме с папой?

– Как почему? Она же умерла! Ты разве не знаешь? – такого ответа я явно не ожидала услышать и немного опешила.

– А что она тогда делает здесь? Раз она умерла?

– Она страдает.

– Почему она страдает?

– Она винит папу в ее смерти.

– А папа виноват? – осторожно спросила я.

– Папа хороший.

– Он виноват?

– Пойдем гулять, – девочка не ответила на мой вопрос и встала со скамейки.

– Виктория, папа виноват в смерти мамы? – взяв девочку за плечи задала вопрос снова.

Виктория смотрела пару минут на меня в недоумении, потом закатила глаза под лоб и начала содрогаться. Из ее рта пошла пена. Я в ужасе схватила ее на руки и побежала в дом.

– Помогите, кто-нибудь! – закричала я, забежав в особ-

няк.

Из кабинета сразу же вышел Джастин и выхватив у меня из рук девочку уложил ее на кушетку. Придерживая ребенка голову набок, он закричал мне:

– Воды, быстро!

Я метнулась к столу и налив из графина воды в стакан протянула ему. Намочив руку, он обтер малышке лицо, и та начала потихоньку успокаиваться. Через минуту к нам спустилась Генриетта и забрала наверх теперь уже спящую девочку.

– Идите за мной, – сухо бросил мне Джастин.

Пройдя в кабинет, он развернулся и больно схватил меня за плечо.

– Вы думаете, что понимаете, что делаете?

– Отпустите меня, немедленно! – испуганно прошептала я, не ожидав такой реакции.

Он резко отпустил меня, и я покачнулась.

– Вы здесь всего пару дней, а ведете себя так, будто бы все знаете. Нельзя потакать ее фантазиям. Иначе начинаются приступы. После одного из таких состояний она может просто уже не прийти в себя!

– Я не знала.

– Конечно не знали. Но вы хотя бы спросили, но нет, вы делаете свое, – прорычал мужчина.

– Что происходит в этом доме, Джастин? Объясните мне! Или это так трудно? Почему Виктория в таком состоянии?

– Зачем вам знать все это? Кто вы такая здесь? Всего лишь художница, творческая натура, машущая своими кисточками! Не лезьте в нашу жизнь! Мы во всем сами разберемся! – его голубые глаза просто метали молнии, настолько он был зол на меня.

Кипящая волна обиды начала наполнять меня изнутри. Да, я не знала, что происходило в их семье, но искренне хотела помочь! Помочь этому запутавшемуся в своей жизни мужчине, помочь этой маленькой девочке, которая так хотела видеть свою маму. Но меня упорно отталкивали! Мне стало тяжело дышать и я, схватив свою накидку, пулей вылетела в коридор и закрылась в мастерской. Усевшись перед картиной, я обратилась к ней:

– Что с твоим мужем? Что с дочерью? Дай мне им помочь! Прощу тебя. Подскажи, что с ними происходит?

И, словно картина могла меня слышать, с нее как будто бы под действием дуновения ветерка сползла накидка, а вместе с ней отпал и небольшой кусочек краски, открывший мне уголок нарисованной красной луны.

– Ну вот, опять луна. При чем тут луна? Что за луна? Где искать ответ? – простонала я.

Устало опустившись в кресло, я, измученная сегодняшним непонятным днем, заснула крепким сном. Проснувшись уже ближе к вечеру увидела на столике возле себя накрытый ужин. Кристин явно беспокоилась обо мне. Отломив кусок еще теплого хлеба и сделав глоток вина из красивого бокала,

я устало потянулась. Станный был день. Вопросы море. А ответов никаких. Жаль, что Генрих уехал. Он бы точно мог приподнять занавес всего этого сумасшествия.

Поужинав, я принялась за реставрацию картины. Она все больше и больше радовала меня открытием своего перво-данного вида. Уже просматривались брови женщины. Еще немного и мне откроется, как же на самом деле выглядела особа, которую, если верить Эльзе, так сильно любил этот человек. Ближе к полуночи я решила размять затекшие от долгого держания инструмента пальцы и подошла к окну. Отодвинув портьеры, я выглянула на улицу. На небе ярко светил месяц. Молодой. Молодая луна, вспомнила я фразу. Когда, интересно она наступает? В коридоре послышался топот и незнакомые мужские голоса. Тихонько приоткрыв двери, я вышла из комнаты. Остановившись в дверном проеме, я увидела Джастина, который приветствовал двоих высоких молодых мужчин в дорожных плащах. Один из них был брюнетом, с черными, как смоль, волосами и такими же пронзительно-черными глазами. Другой был немного меньше его ростом, с русыми волосами и зелеными глазами. Мне стало так интересно. Три друга, три таких разных типажа. Они прекрасно смотрелись бы на нарисованной картине. Я невольно залюбовалась ними и выронила инструмент из рук. Раздался тихий стук и мужчины разом обернулись ко мне.

– Вот так-так, Джастин, кто это у нас такой, познакомь! – проговорил красавец-брюнет

Глаза Джастина от гнева сузились, но он сохранил самообладание.

– Это реставратор. Ее зовут Алиса. Она из России. Помогает восстановить картину.

– Ах да, картину. Помню-помню! Русская легендарная красота в нашем английском захолустье, – прищурив глаза проговорил мужчина, затем подошел ко мне и поклонившись поцеловал мне руку. – Тайлер, маркиз Бретонский, к вашим услугам, мадмуазель.

– Алиса Александровна, – улыбнулась я, сделав реверанс.

– Филипп, граф дэ Виль, – представился мне второй мужчина и тоже поцеловал руку.

– Такое сокровище у тебя в доме, и ты молчишь, Джастин? – проговорил Тайлер, оценивающе окидывая меня взглядом.

– Я не сокровище, уважаемый маркиз. Просто здесь работаю. Не думаю, что господин граф должен говорить обо всех своих подчиненных, – тактично отчеканила я.

– Ох ты какая, строптивая! – присвистнул мужчина.

– Тайлер, прекрати! Перестань пугать девушку. – гневно ответил Джастин и Тайлер, с сожалением окинув меня взглядом, отошел в сторону.

Увидев это, я поняла, кто предводитель у них в этой шайке.

– Вам лучше подняться к себе, Алиса, – Джастину явно не нравилось то, что я общаюсь с его друзьями.

Безразлично пожалв плечами, я поднялась к себе и улеглась в кровать, прислушиваясь к звукам в доме. Мужчины шумели еще около часа. Был слышен звон бокалов, смех и колкие реплики. Кристин то и дело бегала по коридору в дальнее крыло, скорее всего, готовя комнаты для приехавших гостей. Ближе к утру мужчины разошлись по своим комнатам. В доме воцарилась тишина и я наконец смогла заснуть. Спала я недолго, поскольку разбудил меня еле слышимый стук в дверь. Прислушавшись, я подошла и тихонько открыла ее. На пороге стояла Виктория с распущенными волосами, одетая в одну только ночную рубашку.

– Виктория, ты почему не спишь? Рано еще! – шикнула я на нее.

– Я есть хочу, покорми меня, пожалуйста, – она смотрела на меня с такой мольбой, что мне ничего не оставалось, кроме как накинуть на плечи халат и спуститься с ней на кухню.

В доме все еще спали. Усадив девочку за стол, я разожгла огонь. Найдя молоко и крупу в кладовой, сварила ей молочную кашу.

– А блинчики ты делать можешь? Как мама когда-то делала, – с надеждой в голосе проговорила малышка.

– Большие или маленькие? – усмехнулась я.

– Маленькие такие. С малиновым вареньем.

– Хорошо. Если хочешь, я сделаю.

Замесив тесто и достав сковороду, я начала печь блинчики. Моя няня тоже всегда их делала на завтрак, поэтому для

меня большого труда не составило вспомнить рецепт и приготовить то, что так хотела эта маленькая, несчастная девочка. Выложив блины красиво на тарелку, я полила их малиновым вареньем и поставила перед Викторией. Малышка положила один блинчик себе на тарелку и с такой любовью на него смотрела, что у меня на глаза навернулись слезы. Что так мучило ее, эту тоскующую по своей маме девочку. Что происходило в этой семье такое ужасное? Могла ли я помочь? Или лучше мне было уйти, чтоб самой не пострадать, как сказал мне Джастин. Мысли мучили меня, разрывая на части. Куда делось то чувство самосохранения, которое досталось мне от отца, прошедшего ужасную войну. Где оно? Почему оно молчало и не подсказывало мне сейчас, как правильно поступить? Малышка начала с аппетитом уплетать блинчики, запивая их душистым чаем. Я же сидела и просто наблюдала за ней. Как вдруг краем глаза увидела в дверном проеме Джастина, который гневно сверкал своими голубыми глазами, смотря на меня и Тайлера, который сдерживал его, что-то тихо говоря на ухо и кивком головы указывая на Викторию. Я приложила палец к губам и покачала головой, давая понять отцу, что ничего страшного с дочерью не произойдет. Гнев в его глазах постепенно стал исчезать и полностью успокоившись он прошел к нам на кухню. Виктория при виде отца радостно улыбнулась и протянула ему блинчик своими измазанными в варенье ручонками.

– Папа, Алиса блинчики напекла. Такие же как мама ко-

гда-то делала. Правда-правда. Ты попробуй, – весело прощепетала она.

Джастин взял блинчик из руки дочери и съев его подсел к ней за стол.

– Очень вкусно. Ты все это ела? – спросил он, кивнув на пустую тарелку из-под каши и остатки блина на тарелке.

– Да, все съела, – гордо вскинула голову Виктория.

Джастин недоуменно посмотрел на меня. Я же, пожав плечами, встала и вышла из кухни, решив, что им лучше побыть вдвоем. В гостиной возле окна стоял Тайлер. При виде меня он повернулся и сказал:

– Она давно уже ничего не ест. Ей все вливают силой. Порой через специальный шланг.

– Не может быть, я не знала. Она сегодня утром постучалась ко мне и попросила накормить ее.

– Значит вы сотворили какое-то чудо, – пронзительные черные глаза изучающе смотрели на меня.

– Да какое чудо? Хоть бы не влетело от отца, – поежилась я.

– Не влетит, – мужчина подошел ко мне и приподнял мое лицо за подбородок, – но вы очень рискуете, находясь здесь.

– Чем рискую? Объясните мне, я ничего не понимаю, – гневно отдернула я голову.

– Всем, – мужчина отпустил меня и пошел на второй этаж.

В этот момент в столовую прошла няня, и Джастин вышел ко мне.

– Извините, я не знала про питание. Она просто постучала ко мне утром и попросила накормить ее. Больше этого не повторится, обещаю, – я испуганно смотрела на мужчину.

– Алиса, я хотел вам просто сказать спасибо, не бойтесь. Виктория не питается простой пищей уже полгода. Все приходится вливать в нее. То, что сегодня произошло, это просто чудо. И она впервые за столь долгое время проговорила о матери в прошедшем времени, – с теплотой во взгляде проговорил мужчина.

– Тогда я рада, – осторожно ответила я.

– Извините за вчерашнее мое поведение. Я очень боюсь за дочку. Поэтому и веду себя так.

– Ничего, главное, что малышке немного лучше, – мне правда невесть как было приятно сделать хоть что-то для них обоих.

Мужчина подошел ко мне и поцеловав в лоб направился к себе в кабинет. Я же стояла и в недоумении не знала, что мне делать. Тряхнув головой и собравшись с мыслями, я пошла на кухню, где доела оставленные Викторией блины, выпила чай и вернулась к себе в комнату. Надев свое любимое муслиновое платье и прихватив краски, я направилась в мастерскую, где снова принялась за свою любимую работу. Где-то через два часа непрерывного творческого труда, я устало опустила инструменты в коробку и решила прогуляться в саду. Выйдя на улицу и подставив лицо под яркие лучи солнца, я закрыла в блаженстве глаза.

– Наслаждаетесь? – услышав совсем рядом с собой голос я испуганно подскочила.

– Вы напугали меня, – нервно вздохнув ответила я Филиппу, стоявшему напротив меня облокотившись о высокую липу.

– Извините, я не хотел, – усмехнулся он.

– Да ладно, ничего. Я правда устала. Глазам нужно давать немного отдохнуть. Когда смотришь в одну точку по несколько часов, то появляется ужасная усталость.

– Да, такие красивые глаза надо беречь, – протянул мужчина и подал мне руку, – давайте прогуляемся, если вы не против.

– Нет, не против, от чего же? – пожав плечами я взяла его под руку, и мы направились по вымощенной камнем дорожке вдоль водоема.

– Вы замужем, Алиса? – прервал наконец молчание мужчина.

– Почему вы спрашиваете? – я враз напряглась от такого вопроса.

– Да так, интересно.

– Нет, я не замужем.

– Отчего так? – спросил Филипп.

– Не полюбила никого, вот и не вышла замуж, – сухо отчеканила я.

– Не сердитесь, правда. Это не праздное любопытство. Вы мне понравились просто. Вот и узнаю о вас.

Услышав такой прямой ответ, я опешила.

– Извините, но я не планирую пока выходить замуж, это точно.

– Все в нашей жизни меняется очень стремительно, Алиса. Сегодня вы просто художница, завтра графиня, чем черт не шутит, – прищурил он глаза.

– Филипп, эта история не про меня. Я хочу полюбить, но пока этого не случилось. А раз не случилось, то и брака не будет.

– Ну а Джастин. Он же вам нравится. Я это чувствую. Что-то есть между вами такое... незримое.

– Да бог с вами, что вы такое говорите?! – воскликнула я.

– Значит сами еще не знаете или закрываете на это глаза. Это хорошо. Значит у меня есть шанс.

– Да ни у кого нет никакого шанса из вас! Я уеду домой и там буду решать с кем мне быть или не быть!

– Не думаю, что вы вернетесь в Россию, – мужчина словно констатировал факт.

– Что вы хотите этим сказать?

– В ближайшем будущем вы все поймете.

Отдернув свою руку, я резко развернулась и пошла прочь от этого человека, говорящего такими зловещими загадками. Вернувшись в мастерскую, я застала там Джастина. Он стоял и смотрел на ту часть, которую мне удалось уже очистить.

– У меня к вам просьба, – задумчиво проговорил он. –

Даже не просьба. Требование. Сегодня я хочу, чтобы вы после восьми вечера не покидали свою комнату. Не работали здесь, не спускались на кухню или еще куда-либо. Вы просто должны исчезнуть в своей комнате, понимаете меня?

– Джастин, что здесь происходит? Скажите мне, пожалуйста.

– Я не могу вам сказать. Я просто прошу вас сделать так, как я говорю. Далее все будет хорошо снова. Вы будете работать, поможете мне с дочерью. Я буду очень вам благодарен. Но сегодня, поберегите себя, никуда не выходите из комнаты, прошу вас, Алиса, – он подошел ко мне и обнял за плечи, всматриваясь в мои глаза, словно пытаюсь понять, выполню ли я это требование или нет.

– Если я исполню ваше требование, завтра вы мне объясните куда я попала и что здесь творится? – строго спросила я.

– Нет, это за гранью, – отчеканил он таким тоном, что мне стало понятно, что от него я никаких ответов не добьюсь.

– Ужас какой-то, правда. Ну хорошо, будет как вы сказали, будем считать, что вы меня напугали.

– У меня нет цели вас напугать. Просто так нужно сделать и все. А теперь у вас есть еще пара часов, можете поработать, если хотите, – он отпустил меня и вышел из комнаты.

Лучше бы он мне всего этого не говорил. Теперь то я точно знала, что сегодня мне нужно будет постараться приподнять завесу этой проклятушей таинственности. Просидев над картиной все оставшееся время, я пошла к себе. В

комнате меня ждал ужин. Значит Кристин была в курсе дел, происходящих с ее хозяином, раз оставила еду в комнате. Надев ночную сорочку и закутавшись в халат, я стала у двери и начала прислушиваться к доносившимся звукам. Где-то приблизительно около одиннадцати часов ночи, когда я уже просто с ума сходила от усталости, шутка ли, простоять у двери три часа без движения, в дальнем крыле послышались шаги. Это явно были Джастин, Тайлер и Филипп. Я тихонько приоткрыла двери и, выйдя на носочках в коридор, краем глаза наблюдала за первым этажом, притаившись за углом. Наконец я увидела три фигуры, которые спустились по боковой лестнице на первый этаж. На всех троих были черные дорожные плащи с капюшонами. Чтобы лучше их рассмотреть я выглянула немного больше из своего укрытия. В этот момент один мужчина остановился и повернулся в пол оборота ко мне, словно прислушиваясь. Под капюшоном мелькнуло его лицо. Это был Тайлер. Но у него было такое зверское выражение лица и... глаза! Темные глаза! Их словно заволокла черная пелена. Я в ужасе открыла рот и тут кто-то, с силой схватив меня за шиворот, отдернул назад и закрыв рот рукой прижал к стене. Это была Кристин. Приложив палец к губам, давая мне понять, что нужно молчать, она прислушивалась к звукам с первого этажа. Было слышно, что мужчины вышли на улицу и оседлав коней ускакали прочь. Кристин схватила меня за руку и втокнула в мою спальню, закрыв при этом дверь на ключ.

– Что... Что это за чертовщина такая? – дрожащим голо-
сом спросила я.

– Правильное слово подобрала. Правильнее некуда, – за-
орала она на меня.

– Кристин, что это такое?

– Ты почему вышла из комнаты, он же сказал тебе не вы-
совываться! Почему вышла? – в отчаянии женщина провела
рукой по своему лбу.

– Я не знаю. Мне просто стало интересно. У меня слиш-
ком много вопросов. Кто эти люди, Кристин?

– Сейчас это не люди, – ответила она.

– Как это не люди? А кто тогда?

– Я не могу тебе объяснить. Я не имею право говорить
такое. Рассказать может только один из них.

– О боже мой! Куда я попала! Мне надо уехать, – ужасу,
охватившему меня, не было предела.

– Тебе надо успокоиться! Это в первую очередь, – Кри-
стин гаркнула на меня так, что я испуганно посмотрела уже
и на нее.

– Как успокоиться? У него глаза черные! Ты понимаешь?
Черные! Он что, демон? Боже мой... демон... их же не суще-
ствует! Не может быть! – тараторила я.

– Это только сегодня, затем месяц все будет нормально,
до следующей луны.

– Сегодня эта красная луна?

– Да, откуда ты знаешь? – служанка удивленно уставилась

на меня.

– Я цыганку встретила. На рыночной площади. Она мне сказала. Про красную луну какую-то. Еще про дьявола. И какую-то вторую рожденную, которая все заберет. Я не поняла ничего, да и сейчас не понимаю. Что это такое?

– Это была Вадома. Цыганка, смотрящая. Она что-то в тебе увидела. Знает только она. Я бы рада помочь, но не могу.

– Да бог с ней, с цыганкой этой. Ты мне скажи кто эти люди, с которыми я живу под одной крышей?! – стук моих зубов, казалось, слышала и Кристин.

– Это простые люди, не нужно их бояться. Просто в одну ночь это уже не те люди. Или те, но не совсем. Сама не знаю, как это сказать правильно. Я не имею право говорить тебе ничего. Не толкай меня на это.

– Дворецкий, нянька, ты. Вы все знаете? – недоверчиво посмотрела я на женщину.

– Да. Мы все знаем. Но никто тебе ничего не скажет. Нигде. Ни здесь. Ни в городе. Только один из этих мужчин, и то, если посчитает нужным.

– Я сошла с ума. Кристин? Мне все это кажется?

– Нет, тебе не кажется.

– О Бог мой! Вот почему он сказал, что его надо бояться и мне нужно уехать.

– Кто сказал?

– Джастин, он так сказал вчера. Я не придавала этому значение. Теперь я понимаю. Нет, ничего не понимаю, – от нерв-

ного перенапряжения меня начало трясти.

Кристин налила мне бокал воды и укутав в одеяло усадила в кресло.

– Послушай меня. Тебе ничего не угрожает. Целый месяц можешь спать спокойно и не бояться. В день красной луны просто не выходи из комнаты и не попадайся им на глаза. Но! Главное! Веди себя так, будто бы ты ничего не видела. Иначе ты никуда не уедешь отсюда, ты поняла меня? Если кто-то из них узнает, что ты выдела их сегодня, ты останешься здесь навсегда.

– Меня убьют? – я едва не заорала на нее.

– Нет, почему сразу убьют. Ты будешь просто привязана к этому месту. Как мы. В свое время мы тоже увидели то, чего не должны были. Теперь мы здесь.

– А горожане? Ты же сказала, что все молчат.

– Горожане знают лишь легенду. Сказку. Слухи и не более. Некоторые да, видели, но они теперь выполняют определенную работу и никуда не выезжают отсюда.

– Что за дурдом такой? А что происходит с ними? С Джастином, Тайлером, Филиппом? Что это такое?

– Ты опять задаешь вопрос, на который я не дам ответ, – строго отчеканила служанка.

– А кто может дать ответ кроме них? Кроме мужчин?

– Вадома, она может, но не захочет.

– Почему?

– Не спрашивай.

– А Виктория? Что с девочкой? – наконец до меня начало хоть что-то доходить из всего этого.

– Это тоже не ко мне.

– Да что ж такое!

– Послушай, я тебе сегодня жизнь спасла. Теперь бери себя в руки. Делай изо всех сил вид, будто ты ничего не видела. Прошу тебя. Ты такая молодая, сделаешь свою картину и уедешь, забудешь все, как страшный сон.

– А малышка?

– Такова у нее судьба, от этого не уйдешь, – безразлично пожала плечами Кристин.

– Я не верю, должно быть что-то, что поможет. Какая еще к черту судьба!

– Ты определись сначала, чего ты хочешь. Или ты хочешь уехать и дальше жить своей жизнью. Или же ты хочешь помочь. Но тогда нет гарантии, что ты дальше сможешь жить своей жизнью. Пока у тебя есть выбор. Подумай. А теперь ложись спать.

– Джастин, он что, зверь какой-то? – пропищала я, припоминая страшные сказки своей младшей сестры.

– Сегодня ты видела не Джастина. Джастина ты видела до всего этого и его же ты увидишь завтра, и так до следующей луны. В общем ты меня поняла, спокойной ночи, – потрепав меня по щеке женщина вышла из комнаты.

Я быстро кинулась к двери и закрылась на ключ. Да уж, спокойной ночи так точно она мне пожелала. Забравшись на

кровать, я укуталась одеялом и лежала так до самого утра, просто в ужасе тараща глаза на потолок. Мне казалось, что я попала в какой-то спектакль и это все розыгрыш. Но нет, в действительности все было так, как я видела. Уже на рассвете я, измученная своими страхами, забылась беспокойным сном.

Глава 2

Около десяти часов утра, проснувшись и одевшись, я посмотрела на себя в зеркало. Замученное, непонятное создание смотрело на меня оттуда. Я никогда бы не подумала, что могу так ужасно выглядеть. Пришлось прибегнуть к косметическим женским ухищрениям, которыми я никогда до настоящего времени не пользовалась. Подаренные некогда мне Настей помада, румяна и пудрагодились как нельзя кстати. Приобретя более-менее божеский вид, я спустилась на первый этаж, с ужасом прислушиваясь к звукам дома. Быстро проскочив на кухню и набросав кое какой еды в поднос, я мышью прошмыгнула в мастерскую и только когда закрыла за собой тяжелую дубовую дверь, смогла вздохнуть спокойно. Надо было быстрее доделывать эту картину и уезжать из этого проклятого дома с его загадочными обитателями. Съев наспех свой завтрак, я начала потихоньку счищать краску с полотна. Но кошмар увиденного вчера не шел у меня из головы. Неужели такое могло происходить наяву? Это просто в уме не укладывалось. Перед моими глазами стояли отблески полностью черных глаз Тайлера. Что имела ввиду Кристин, когда говорила, что они в тот момент не были людьми? Или почти не были? Что это значило? Во мне постепенно начинало просыпаться любопытство, это вредное чувство, которое могло загнать меня в угол в будущем. Я всегда была

любопытным ребенком. Если мне говорили нельзя, я обязательно должна была выяснить, почему нельзя? Что такого в этом нельзя есть? Ход моих мыслей был прерван цокотом копыт подъезжающих лошадей. Значит мужчины только вернулись домой. И нет! Нет бы посидеть в мастерской, так меня как назло, как пчелу к меду, потянуло в коридор. Сделав вид, что иду за водой для краски, я взяла кувшин и вышла из комнаты. И лучше бы не выходила. Только я появилась в дверном проеме, как во входную дверь зашли Джастин, Филипп и Тайлер. Вид у них был просто дьявольский. Черные дорожные плащи заляпаны грязью, будто бы они всю ночь напролет куда-то ехали галопом по залитой грязью дороге. У всех троих в руках были хлысты, взглянув на которые я поняла, что они покрыты чем-то бурым. Это не могла быть краска, значит кровь. Белые рубашки были тоже измазаны скорее всего кровью и пропитаны потом. Они прошли мимо меня будто и не заметив, только Тайлер, проходя совсем рядом со мной, повернул ко мне голову и взглянул на меня ужасно уставшим взглядом. Благо глаза были не черными. Может мне все показалось вчера? Но теперешний вид этих троих всадников апокалипсиса говорил явно о том, что вчерашнее не было видением. Они поднялись на второй этаж и прошли в дальнее крыло. Я же стояла и приходила в себя от увиденного еще пару минут, потом пошла на кухню и набрав полный кувшин воды начала жадно пить. Холодная вода наполняла меня изнутри, и я начала приходить в себя.

Поднявшись на второй этаж, зашла к себе в комнату. Остановившись у окна, я долго смотрела на мирную гладь пруда с плавающими лебедями. Теперь страшные сказки, которые мы рассказывали друг другу с сестрой, сказками уже не казались. Тайный мир существовал и жил своей неведомой для простых смертных жителей жизнью. Я иначе не могла это назвать по-другому. Как я могла оказаться так далеко от дома и близких в этой чужой стране, да еще среди такого кошмара? Черт меня дернул ехать за тридевять земель. Никогда же не любила никуда ездить, а тут один раз выехала и на тебе. Услышав тихий скрип двери, я подскочила. В дверном проеме показалось маленькое бледное личико девочки.

– Можно к тебе? – спросила тихо она.

– Конечно, солнышко, проходи, – жалость к этому маленькому созданию каждый раз начинала поедать меня изнутри.

Я села в кресло, и девочка забралась мне на колени.

– Алиса, ты папу испугалась? – тихим шепотом обратилась она ко мне.

– Нет, с чего ты взяла?

– Я знаю, что испугалась. Мама тоже его боялась тогда.

– Когда?

– Тогда, когда приезжали дядя Тайлер и дядя Филипп.

– Они часто сюда приезжают?

– Нет, один раз в месяц.

– Зачем они приезжают ты не знаешь?

– Нет, но папа другой становится тогда, – печально отве-

тила девочка.

– А почему мама его боялась?

– Я не знаю, но она всегда плакала в такие дни.

– Виктория, а как мама пропала?

– Она просто ушла и не вернулась.

Я сидела и слушая все это ломала свой мозг, пытаюсь понять, что все это значит.

– Алиса...

– Что? – поцеловав малышку в лоб ответила я.

– Ты не уедешь?

Ну вот что я должна была сказать этой маленькой девочке, с такой надеждой смотревшей на меня.

– Виктория, я закончу работу и мне нужно будет уезжать, ты же понимаешь? У меня родные, друзья в другой стране. Я не могу здесь остаться.

– Ты меня бросишь? Как и мама? – по щеке девочки потекла слеза и она быстро вытерла ее ладошкой, явно не желая, чтоб видели, как она плачет.

– Мама тебя не бросила, твоя мама погибла. Это разные вещи, – спокойным тоном объяснила я девочке, которая слова «смерть» и «бросила» ставила на одну линию.

– А если бросила? Просто не захотела быть со мной и с папой?

– Мамы так не поступают.

– Я помню, как я маленькая еще была. Проснулась ночью и услышала, как мама с папой ругаются в кабинете. Мама то-

гда так кричала. Она просила отпустить ее куда-то. Но папа не пускал. Он сказал, что у них есть я. А мама закричала, что я всего лишь отродье какое-то. Потом она ударила папу, схватила плащ и ушла из дома. Больше она не вернулась. Что такое отродье, Алиса?

– Не знаю, – соврала я, пребывая в некоем ступоре от услышанного.

В моей голове возникало все больше и больше вопросов, ответов на которые я не знала где искать. В дверь тихо постучали и в комнату вошел Джастин.

– Виктория, тебя няня ищет, иди к ней. Пообедаешь, и если у Алисы будет время, то вы сможете погулять с ней на улице, – сказал он.

Девочка недовольно нахмурила брови, слезла с моих коленей и пошла к себе. Я же сидела, откинувшись на спинку кресла и рассматривала мужчину. Он уже не был тем непонятно каким существом, которое уходило вчера вечером из дома и вернулось сегодня утром. Он был чисто выбрит, одет в красивый костюм для верховой езды и благоухал какими-то умопомрачительными духами.

– Почему вы так смотрите на меня? – резко спросил он.

– Да просто утром вы так ужасно выглядели. Будто бы вылезли из самой преисподней. А сейчас смотрю на вас и вижу другого человека, – пожала я плечами.

– Мы были на охоте, – безразлично ответил он.

Я встала и подошла к нему, рассматривая его в упор.

– Охота на кого была?

Он промолчал.

– Я так и думала.

Презрительно хмыкнув я развернулась и хотела было уйти, но он схватил меня за руку и резко притянул к себе, тихо прошептал при этом:

– Не задавайте лишних вопросов, Алиса. Не летите на огонь, а то сгорите.

– Как скажете, – только и ответила я, едва уняв дрожь в теле.

Высвободившись из его рук, я развернулась и пошла прочь. Виктория в это время уже сидела внизу и ждала меня.

– Пойдем гулять, Алиса, – радостно поманила она меня рукой.

– Конечно пойдем. У вас случайно нет ракеток? Поиграли бы с тобой.

– Да, есть. Мама любила играть. Сейчас принесу, я быстро, – девочка радостно побежала за ракетками, а я стала у окна и задумчиво смотрела на улицу. Вдруг я почувствовала на моей шее теплое дыхание. Повернувшись, я увидела Филиппа, который тихо подошел ко мне сзади и стоял почти вплотную.

– Граф де Вилль, вы меня напугали. Снова.

– Не думаю, что вас можно напугать, – скользя взглядом по моему лицу тихо проговорил он.

– Можно, – поежилась я от такого пристального внимания

этого демона.

– Тогда прошу прощения.

– Принимаю, – не зная, как отделаться от него, ответила я.

Он наклонился ко мне, явно желая меня поцеловать, но в этот момент на лестнице послышались тяжелые шаги. К нам спускался Тайлер. Вот тут-то у меня внутри все и похолодело. Если двоих других я не видела в том обличье, которое стояло у меня перед глазами до сих пор, то этого дьявола я очень хорошо запомнила.

– Филипп, тебя ищет Джастин, поднимись к нему. И выезжаем мы через час. Будь готов, – сухо бросил он другу.

Де Виль досадно окинул меня взглядом, поцеловал руку и оставил нас.

– Давайте прогуляемся, Алиса, – обратился ко мне Тайлер.

– Не хочу с вами гулять, – отшатнувшись от него я хотела было уйти, но он мягким движением руки остановил меня.

– Я ничего вам не сделаю, не бойтесь. Прошу, давайте выйдем в сад.

Недоверчиво на него посмотрев, я отошла на пол метра от него, и мы вышли в сад. Подойдя к пруду, мы остановились. Я стояла и нервно перебирала прядь своих волос, боясь даже смотреть в сторону мужчины.

– Я почувал вас вчера. Вы все видели, не так ли? – наконец проговорил он.

– Что значит почували? – дрожащим голосом спросила я.

– То и значит.

– Тайлер, я ничего не видела.

– Вы видели меня, – спокойно проговорил он.

Я судорожно пыталась сообразить, как же вести себя в такой ситуации. Что это или кто это был передо мной, я не понимала. Что можно было говорить, чего нет? Повернувшись к нему, я наконец сказала:

– Хорошо, я видела вас. Но ничего не поняла.

– Это не имеет значения. Достаточно того, что вы знаете, – мужчина повернулся ко мне и окинул взглядом, в котором скользила скорее всего жалость, чем недовольство.

– Кто вы такие? – дрожащим голосом спросила я у него.

– Я не буду вам пока отвечать. До следующей луны есть месяц. Я должен подумать. Реставрируйте картину, а через месяц мы вернемся к разговору. Вы хороший человек, Алиса. Если я найду выход, то все будет хорошо.

– Да что вы все вокруг загадками разговариваете? Кто вы, Тайлер? – едва не плача проговорила я, ухватив его за руку.

– Я человек, и Филипп, и Джастин тоже, – ответил мужчина.

– Но что тогда я видела вчера? И утром сегодня? Я бы может и подумала, что мне все показалось, но раз мы здесь с вами стоим и разговариваем обо всем этом, то..., – не договорив фразу я замолчала.

– Проклятье, Алиса, вы видели проклятье, – Тайлер устало вздохнул и повернулся к озеру.

– Какое еще проклятье? – не унималась я.

Но Тайлер не ответил, он поцеловал мне руку и строго сказал:

– Молчите. То, о чем мы говорили, Джастин не должен знать. Если будет выход – уедете по окончании работы. И все.

– Но вы же одинаковые, почему мне нельзя у него ничего спросить?

– Он доминанта. Он никогда не отпустит вас, если будет знать, что вы видели. Ведите себя осторожно с ним. Он хороший человек, но не всегда может совладать со своей темной стороной. Ему досталась самая тяжелая ноша. Я пытаюсь найти выход, но пока тщетно. Обещайте мне держаться от него на дистанции. Это очень важно... для вас.

– Хорошо, поняла. Спасибо вам, – недовольно ответила я, поскольку его предупреждения на фоне того, что я жила под одной крышей черт его знает с кем, вообще ничего не значили.

Мужчина кивнул и пошел по направлению к дому, а в этот момент ко мне оттуда по тропинке счастливо улыбаясь вприпрыжку бежала Виктория с ракетками в руках. Я смотрела на нее и была немного удивлена переменой в ней. Девочка оживала. Жизнь словно возвращалась к ней. Даже на щеках заиграл румянец.

– Алиса. Я нашла, нашла, – она подбежала ко мне и протянула ракетку с красной рукояткой. – Это мамина, она иг-

рала ней всегда. Держи, теперь она твоя.

– Спасибо. Сейчас посмотрим, как ты играешь.

Мы вышли на стриженный газон и подмигнув друг другу заняли свои позиции. Виктория хоть и была малышкой, но играла на удивление очень хорошо. Она практически не пропускала шарики и давала такую подачу, что я еле поспевала ее отбивать. Вдоволь насмеявшись и набегавшись, я уселась на траву. Виктория же легла на землю и положила мне голову на колени. В этот момент я увидела, что Джастин наблюдает за нами облокотившись на статую Венеры, стоящую под большим развесистым деревом. Улыбка сползла у меня с лица в два счета, и я отвернулась.

– Папа, папа, иди сюда к нам, – позвала его Виктория и он направился к нам. – Ты видел, как мы играли? У меня ведь правда хорошо получается? – звонкий щебет малышки был слышен, скорее всего, даже в доме.

– Да, дочка, ты играла очень хорошо, – Джастин погладил по голове девочку и едва улыбнулся.

– Алиса все равно лучше, но она ведь взрослая, так что это было ожидаемо, – Виктория послала мне воздушный поцелуй и весело засмеялась.

– И Алиса тоже играла очень хорошо, – тепло улыбнулся мужчина, глядя на меня.

Я окинула его недоуменным взглядом и хмыкнула.

– А теперь беги, Виктория, тебя няня ищет. И не забудь все вернуть на место, – проговорил он, помогая встать с зем-

ли девочке.

Малышка схватила ракетки и чмокнув меня в щеку побегала в дом. Я же встала и повернулась к Джастину.

– Вы возвращаете к жизни мою дочку. Я не знаю, как это у вас получается, но моей благодарности нет границ, – он протянул руку и поправил мои разметавшиеся по плечам волосы.

– Я это поняла час назад, спасибо, – сухо отчеканила я, делая намек на то, как он себя повел.

Мужчина опустил голову и скривив губы в горькой усмешке промолчал. Я только покачала головой и пошла в дом, где заперлась в мастерской, с недовольством взявшись за свою работу.

Глава 3

На несколько дней я с головой ушла в работу и практически ни с кем не разговаривала, кроме щебечущей Виктории, которая бегала за мной в свободное время, как собачонка. Ей каждый день становилось все лучше и лучше, и в глазах Джастина я видела появляющееся стойкое выражение веры в то, что все наладится. Он явно любил дочь, хоть и не отличался особой щедростью на эмоции. Но когда он думал, что его никто не видит, то смотрел на нее с такой нежностью, что я невольно любовалась им в эти редкие минуты. Возможно и отец смотрел так же на меня, когда никто не видел и так же любил меня, хотя и не показывал этого. Каждый ребенок заслуживает любви и ласки, жаль только, что не все родители могут дать это своим крошкам.

Как-то в один из таких дней моего непрерывного уныния ко мне в мастерскую зашел Джастин и спросил:

– Алиса, вы сама не своя в последнее время. Может поговорим?

– Нет, спасибо, я не хочу сгореть, как бабочка, летящая на огонь. Я вас прекрасно поняла тогда. Не хочу ничего теперь спрашивать у вас и ничего отвечать вам. Да и знать больше ничего не хочу. Работы осталось совсем немного, скоро доделаю и уеду.

– Об этом тоже нужно поговорить. Я бы хотел, чтобы вы

остались, хотя бы еще ненадолго. Я не знаю каким чудом, но с вашим приездом Виктория ожила. Она почти поправилась. Ест, хорошо спит, приступы прошли. Вы всего не знаете, поэтому и не понимаете, что это правда чудо. Я не могу потерять дочь, только не ее. Пожалуйста, оставайтесь. Я заплачу любые деньги за ваше пребывание здесь, – он едва ли не молил меня и такой тон этого надменного мужчины вызвал у меня наоборот опасение, а не сочувствие.

– Деньги, деньги. Что вы все заладили, деньги. Есть вещи важнее денег. Я искренне отношусь к вашей дочери, не отталкиваю ее, не смотрю на нее холодным взглядом. Она чувствует тепло и ласку, у нее появился друг в моем лице. Вот она и оживает. А что ей даете вы? Деньги? Так они ей без надобности сейчас. Ей нужна хорошая семья. Женщина, которая бы могла заменить мать, друзья нужны. Вы же ее никуда не пускаете. Даже в город. Скоро праздник летнего солнцестояния. Будет много интересного. Игры, пляски, театральные сказочные постановки. Идите с ней туда. Покажите, что вы можете быть ей хорошим отцом и другом. И тогда уже не так важно будет, есть я рядом или нет. Вы и сами справитесь.

– Хороший отец – это история не про меня, – с грустью ответил Джастин.

– Почему? Вы любите ее, вы многое ей даете. Осталось самое важное. Любовь и все будет у вас хорошо, – улыбнулась я, видя, что отец не мог никак разобраться в том, что значит быть им.

Джастин подошел ко мне вплотную и провел по моей щеке рукой. Я невольно отшатнулась, и он сказал:

– Видите, даже вы меня боитесь. Что уже говорить о маленькой девочке, если красивая взрослая барышня не робкого десятка отпрянула при моем прикосновении.

– Эта взрослая барышня усвоила, что ей лучше держать дистанцию, – отчеканила я.

– А если я больше не хочу держать дистанцию? – проговорил он и притянул меня к себе.

Я опешила и попыталась его оттолкнуть. В голове было только одно – я не знала, чем одержим этот человек и меня это ужасно пугало. Всего мгновение, и он впился требовательным поцелуем мне в губы. Меня же охватил просто леденящий ужас и собрав всю волю в кулак я больно укусила его за губу, заставив таким образом отпустить меня.

– Что вы делаете? – возмущенно спросила я.

Джастин не ответил, только подошел к стоящему в углу письменному столу и достал оттуда какие-то бумаги.

– Это закладная на ваш дом. Это счета на оплату школы для вашей сестры и счета за лечение вашего отца, – говорил он, выкладывая одну за одной бумаги на стол, – и еще это, – он протянул мне небольшую расписку. – Давний долг вашего отца перед графом Бронским. За уплату этого долга он требует у вашего отца руки вашей сестры.

– Не поняла, – едва унимая дрожь во всем теле проговорила я, опускаясь в кресло. – Граф Бронский? Какой долг?

О чем вы говорите?

– Ваш отец проиграл ему целое состояние лет пять назад. Конечно, выплатить он не мог и Бронский это понимал, поэтому они и договорились о том, что, когда вашей сестре исполнится восемнадцать лет, отец выдаст замуж ее за него. Он думал, что найдет выход, но заболел. Теперь Бронский напомнил ему о долге, – смотря мне в глаза спокойно проговорил Джастин.

– За Бронского? Он же чудовище! Он забил двоих своих жен насмерть, скрыв благодаря своим связями данное преступление! Настю за Бронского? – воскликнула я.

– Да, он отдаст ее за него. Настя не сможет послушаться воли больного отца. Вы знаете. Она не вы и взбрыкивать не будет, а покорно пойдет под венец.

– Вы, вы откуда это все узнали? Даже я не знала этого! – зашипела я на мужчину, чувствуя, что этот разговор явно не к добру ведет.

– Генрих хорошо выполнил свою работу. Прежде чем кого-то приглашать в свой дом, я всегда узнаю все об этом человеке. О вас тоже все узнал.

– Я не понимаю, чего вы хотите? К чему вы клоните?

– Все просто. Я выкуплю все долги. Все закладные. Все будет в моем распоряжении. Настя будет свободна и ваш отец сможет умереть со спокойной совестью. Продать дочь за карточные долги это, знаете ли, еще тот камень на сердце, – он так спокойно говорил, что у меня просто кровь в венах сты-

ла от такого тона.

Я сидела и в ужасе смотрела на этого человека, который к чему-то вел весь этот разговор. Мне было страшно даже подумать, чего он хочет.

– Что вы хотите взамен? – наконец проговорила я, собравшись с мыслями.

– Я куплю вас, – ответил Джастин.

– Что? Как это куплю? Вы в своем уме? – опешила я, поскольку что-то, а такое уж точно не ожидала услышать.

– В прямом смысле. Я долго наблюдал за вами. Вы слишком свободолюбива и каким-то другим способом оставить вас здесь не представляется возможным. Деньги вы не любите как таковые, чтоб можно было предложить крупную сумму, и вы согласились на любые условия. А так я решаю все, сразу и навсегда. Все документы будут у меня. Если вы вздумаете сбежать отсюда, то Настю ждет незавидная участь в любой момент. С такими долгами, как вы думаете, что с ней будет? А так я обещаю вам, что она будет жить в достатке до конца своих дней. Я дам ей огромное приданое, она удачно выйдет замуж. Отец доживет свои последние дни в спокойствии и достатке. Я все это обеспечу в обмен на ваше внимание.

– Вы в своем уме? Как вы можете так поступать со мной? – дрожащим голосом проговорила я.

– Я не делаю ничего сверхужасного. Вам никто такой помощи не предложит за право обладания вами. По крайней

мере на данный момент. Сами вы таких денег не заработаете в жизни. У Насти же время идет. Еще несколько месяцев и она станет женой тирана. Долго она не проживет в таком случае. И ваш отец умрет с пониманием того, что своими руками убил дочь. Вы этого хотите?

– А я? Как же я? – подняла на него глаза полные слез.

– А вы точно готовы думать о себе в такой ситуации? – хищно прищурил он глаза.

Я только отрицательно покачала головой.

– Я не ждал другой реакции. Умница девочка, – усмехнулся он.

– Что вы хотите? Что значит это ваше «куплю»? – я с такой ненавистью смотрела на этого такого красивого и такого жестокого человека. В тот момент он был для меня дьяволом во плоти и не менее.

– Я не буду ограничивать вас в чем-либо. Хотите рисовать – рисуйте, хотите свою студию, самую лучшую в Англии – она у вас будет. Положение в обществе, деньги, наряды, все, что хотите, я дам вам все. Вы же будете рядом с моей дочерью и со мной. Вы сами сказали, что девочке нужна женщина, которая заменит мать. Лучшей кандидатуры я не видел до вас и вряд ли увижу.

– С дочерью хорошо. Но что значит быть рядом с вами? – осторожно задала я вопрос.

– Вы будете моей женщиной. Насиловать я вас не буду, не бойтесь. Вы все равно рано или поздно ко мне придете по

своему собственному желанию.

– Не приду, вы ошибаетесь! – нервно выпалила я.

– Придете, – самоуверенность этого человека просто зашкаливала.

– Как вы можете так? – я говорила и будто бы слышала себя со стороны.

– В данной ситуации могу, Алиса. Я предупреждал тебя тогда, чтобы ты не выходила. Но ты не послушала. Или ты думаешь, я не знаю, о чем вы разговаривали с Тайлером тогда, около пруда? Ты видела то, что тебе видеть нельзя было. У Тайлера странные мысли, он все еще думает, что я могу чего-то не знать, – недовольно проговорил Джастин и убрал бумаги в ящик стола.

По моим щекам потекли слезы. Странные слезы. Внутри было так пусто, боли не было, лишь какая-то глухая отрешенность и одинокие слезы, не пропитанные какими-то эмоциями, текли и текли по щекам, пока я смотрела на этого человека, который словно пером перечеркнул всю мою жизнь, все надежды на что-то свое. На мир, который я так хотела построить сама, любовь, которую так мечтала обрести. Это было так ужасно, что я пребывала в каком-то ступоре. Затем я поднялась на ноги и подойдя к Джастину отвесила ему звонкую пощечину, затем развернулась и вышла из кабинета.

Поднявшись к себе, я остановилась в центре комнаты. Да какой там комнаты! Клетки. Именно так я чувствовала себя. Я была в клетке. Как зверь. Оглядевшись вокруг и с пре-

зрением посмотрев на всю эту роскошь, я подошла к окну и проведя рукой по мягкой ткани портьер с силой сдернула одну из них на пол. Затем еще и еще одну. Потом принялась швырять об пол красивые статуэтки с каминной полки. Разбиваясь, они издавали печальный звон. Этот звук разбитого фарфора как нельзя лучше характеризовал ситуацию, в которой я оказалась. Все разбилось в один момент. Подойдя к столу и взяв в руки бронзовую фигуру Афродиты я с силой ударила ней по красному дереву стола, оставив на нем шрам. Я не могла уже остановиться, мне хотелось разнести все в пух и в прах в этом великолепном чертовом доме. Спустя несколько минут на шум в комнату вбежала Кристин.

– Мадмуазель, что вы делаете? – испуганно воскликнула она.

– А ты не видишь? Ломаю все здесь в вашем лицемерном кукольном мирке. Ненавижу все это, ненавижу, – кричала я, как замороженная продолжая ломать все вокруг.

Кристин подбежала ко мне и выхватив из моих рук статуэтку крепко обняла меня, не давая вырваться.

– Тише, Алиса, тише. Успокойся. Не нужно, прошу. Этим не поможешь. Возьми себя в руки.

Я разрыдалась еще больше и устало опустилась на пол, увлекая за собой держащую меня служанку. Положив голову ей на колени, я закрыла глаза, не в силах поверить, что все это происходило со мной, Кристин же гладила меня по голове, пытаясь успокоить.

– Что случилось, Алиса, расскажи мне, – ласково проговорила женщина.

– Ваш граф, это исчадие ада. Я его ненавижу.

– Так, а теперь поподробнее.

Я рассказала ей весь разговор, который произошел между мной и Джастином. Кристин, казалось, совсем не была удивлена тем, что произошло.

– Так и думала, что так выйдет. Нельзя было тебе приезжать сюда, – вздохнула она.

– Что мне теперь делать? Я же теперь вещь, не человек, а рабыня. Как такое пережить? Я точно не смогу, – проговорила я и издала животный, мучительный стон.

– Алиса, пройдет время, и ты смиришься.

– Я смирюсь? Да ты что!

– Джастин даст тебе все. У тебя будет все, понимаешь? У сестры будет будущее, этим хоть утешай себя. Ты бы не выбралась из такой кабалы сама и сестра погибла бы. Я бы даже сказала, что то, что сделал наш хозяин – во благо тебе.

– Какое благо? Это благо? Оставить человека без выбора? Как можно жить без выбора, Кристин?

– Послушай меня, успокойся. Пойдем, я отведу тебя в другую комнату, здесь нужно убрать.

Я устало поднялась на ноги и поплелась за служанкой. Открыв дальнюю комнату, мы вошли внутрь.

– Это комната жены графа. Он раньше сюда никого не пускал. Теперь она твоя.

– Моя? Ах да, я же теперь будущая наложница черт его знает кого! Мне по статусу положено, – съязвила я.

– Алиса, все не так ужасно, как тебе кажется. Я тоже не по своей великой воле пришла работать сюда. Я так же ненавижу это место. Но теперь это дом родной для меня. Я люблю свою работу, люблю маленькую хозяйку, уважаю Джастина. Я нашла себя здесь и даже не представляю, как сложилась бы моя жизнь, если бы не тот случай. Да. Есть кое-какие правила, которых я должна придерживаться, живя здесь. Но это мелочи. Правила есть везде. А что бы ждало меня за стенами дома? Меня, дочь простой прачки? Что? – спокойно проговорила женщина, повернувшись ко мне.

– Но ты была бы свободна! – я никак не могла понять такого взгляда на жизнь, о котором говорила мне она.

– Свобода. Что это такое? Разве свободны люди, работающие на других за копейки в надежде выжить? Граф платит очень много всем нам. Генриетта высылает деньги в детский дом, я отдаю на благотворительность в больницу для одиноких людей. Я понимаю, что именно благодаря тому, что попала сюда, я могу делать что-то для других. И мне это нравится.

– А семья? У тебя есть семья, дети? Почему ты не замужем?

– Нет, это условие я нарушать не могу.

– Вот! Вот видишь! И как? Ты счастлива? Не имея ребенка, ты счастлива?

– Алиса, ты в другом положении! – служанка развела руками.

– В каком таком другом?

– У тебя могут быть дети, Джастин ведь..., – она не договорила и тактично замолчала.

– Ах да, как я могла забыть, я же буду должна лечь под него со временем. А от этого бывают дети! – покачав головой я отошла к окну и уставилась в него.

– А ты посмотри на него с другой стороны. Он красивый, сильный, богатый мужчина, которому ты нравишься. Сильно нравишься. Если бы это было не так, он бы дал тебе место в этом доме в качестве служанки еще одной. Но то, что он поставил такое условие тебе, говорит о многом. Ты его не знаешь еще. Он просто хочет попытать счастья еще раз. Хочет, чтобы у малышки была мама. Ты вон как с ней сошлась, девочка ожила просто. А мы и не думали, что она вернется к нормальной жизни, – приобняв меня за плечи проговорила Кристин.

Я только хмыкнула в ответ на такую речь.

– Счастье? Какое счастье? – резко повернулась я к женщине. – Посадить женщину в клетку и от этого счастье? Счастье это когда любишь и тебя любят, а не когда принуждаешь! Кристин, у нас не средние века! А главное то, главное! Кто он, Кристин? Я не знаю его, что с этим человеком происходит? Та чертовщина, которую я видела до сих пор не идет у меня из головы! И жена у него исчезла! А если это он от нее

избавился? Может утопил в том озере? Или забил плетью? Я видела, какие они шли после той ночи. Черти! – моему негодованию просто не было предела.

– Прекрати такое говорить! Ты ничего не знаешь! Он очень любил Елизавету. Ты не представляешь, с чем ему приходится бороться каждый день. Никто из его предков не справлялся с этим всем так, как он! – нахмутив брови Кристин отошла от меня.

– Да с чем он справляется? Скажи хоть ты!

– Иди и узнай у него сама. Если посчитает нужным, он скажет тебе все. А теперь бери себя в руки и привыкай к новой жизни! Другого тебе не остается! – строго сказала служанка и вышла из комнаты.

– Черта с два, я все равно найду выход! – разревевшись сказала я сама себе.

Глава 4

Следующие два дня я провела запершись у себя в комнате и никого не пуская к себе. Я практически не спала, ничего не ела, только пила воду и тщетно пыталась найти выход из ситуации. Но его не было, просто не было. Я не могла отправить на погибель Настю, не могла оставить старика-отца без крова. Но и жить так не желала.

Сидя на подоконнике открытого окна ближе к вечеру второго дня я услышала очередной стук в мою дверь.

– Алиса, открой, – проговорил за дверью человек, чьей узнице я была.

Поморщившись, я отвернулась снова к окну, даже и не думая идти открывать дверь.

– Если ты не откроешь, я выбью дверь, – послышался стальной голос снаружи.

Закрыв глаза, я постаралась собрать в одно целое осколки своих мыслей и чувств. Сделав глубокий вдох, подошла к двери и прислонилась лбом к дверному косяку. Я не могла видеть этого мужчину, который идя на поводу у своих желаний или еще невесть чего ломал мою судьбу. Затем вздернула подбородок и открыла дверь, отойдя в сторону и давая ему пройти внутрь.

– Что ты делаешь? Ты два дня не ела ничего, не выходишь на улицу. Не нужно так, прошу тебя, – Джастин подошел ко

мне и приподнял мое лицо за подбородок.

– А как нужно, скажите, указаний с вашей стороны не было, ваше величество.

– Алиса! – гневно проговорил мужчина.

– Что Алиса? Чтоооо? Чего вы от меня хотите? – едва не заревев проговорила я.

– Живи, как прежде живи! Я же ни к чему тебя не принуждаю! Всему свое время. Просто живи здесь и все! – Джастин встряхнул меня за плечи.

– Странно вы рассуждаете. Поставили мне ультиматум, сами живете с темной стороной на пару и хотите, чтобы я просто жила здесь? А как это просто жить? Не обращать внимания на все? Смотреть на вас, как на спасителя? Радоваться, что попала в такую шикарную золотую клетку? Это как так? Просто жить? – прищурив глаза я посмотрела на мужчину.

– Любая бы женщина была бы не против такой золотой клетки, – покачал он головой, явно не представляя себе, что могли быть и такие женщины как я, которым клетка была как кость в горле, какой бы золотой она не была.

– Ну так и найдите себе любую другую.

– Мне не нужна другая.

– И мне радоваться этому?

– Ты сердисься сейчас, я понимаю.

– Отпустите меня, умоляю, я не смогу так, Джастин. Это для меня слишком. – я подошла к нему и уткнулась лбом в

его грудь, заревев при этом.

Мужчина весь напрягся и провел ладонью по моим волосам, словно успокаивая меня, как маленькую девочку:

– Я не могу. Ты должна свыкнуться со своим положением.

Издав тяжелый вздох, я отошла от него к окну и пару минут молчала. Затем повернулась к нему и сказала:

– Хорошо, тогда расскажите мне все. Я хотя бы буду понимать, что здесь происходит и возможно тогда посмотрю на все по-другому, – я откровенно врала ему в тот момент. Какое там посмотрю на все по-другому! Я готова была горло ему перегрызть, лишь бы повернуть ситуацию в свою пользу. Но мне нужно было знать все об этом человеке, чтобы понять, что делать дальше.

– Хорошо. Но сначала ты пообедаешь, потом переоденешься в костюм для верховой езды, и мы с тобой поедem в одно место. Там и поговорим, – ответил он спокойным голосом.

Было видно, что он боялся спугнуть мою наигранную покорность. Я утвердительно кивнула. Джастин вышел из моей комнаты и на пороге появилась Кристин, испытывающе окинув меня взглядом

– Пришла в себя? Это хорошо. Я приготовила ванную и обед накрыла.

– Спасибо, – поблагодарила я и не глядя на нее направилась в ванную комнату, где сняв с себя платье с наслаждением погрузилась в воду. Полежав так несколько минут, я

встала, вытерлась насухо, затем пошла в гардеробную и была несказанно удивлена увиденным. На вешалках не было ни единого элемента одежды бывшей хозяйки этого дома. Одежда была вся новой и моего размера. Ее было так много, что я всю эту красоту и за год бы не сносила. Джастин явно беспокоился обо мне и моем пребывании в этом доме. Выбрав черный костюм для верховой езды, я надела его и спустилась в столовую. Наспех съев свой обед и запив его бокалом красного, холодного вина, я направилась к конюшне. Джастин уже был там и держал за поводья наших лошадей. Я подошла к своему Греку и не глядя на мужчину вскочила в седло, кинув ему сухое:

– Куда едем?

– К долине на северной стороне склона, – ответил Джастин, садясь на своего скакуна и пуская его галопом.

Северный склон. О нем говорила мне раньше Эльза. Там было поселение цыган. Мужчина так гнал свою лошадь, что я едва поспевала за ним. Кроме того, на землю уже спускался вечер и становилось довольно таки холодно, а если учесть, что мы мчались с такой скоростью, то к тому времени, когда мы подъехали к северной стороне склона, я уже порядком околела. Джастин остановился, спрыгнул с лошади и хотел было помочь мне, но я, пренебрежительно махнув рукой, дала ему понять, что справлюсь без него. Растерев затекшие руки, я привязала Грека к дереву и пошла к большому, нет, не большому, просто огромному дубу возле которого

уже стоял Джастин и смотрел на простирившуюся внизу долину. Посмотрев вниз я увидела небольшую деревню, мирно готовящуюся ко сну. В домах горели огоньки свечей, кое-где затухали костры, разнося по округе сизый туман от пахнущего сгоревшим деревом дыма. Маленькие фигурки мужчин поили лошадей, дети сидели на порогах домов и ждали, пока их матери снимали высушенное белье, собаки лаяли, прислушиваясь к звукам окружающего мира. Эта картина была такой умиротворяющей, что мне захотелось попасть туда, в этот сказочный мирок, пропитанный спокойствием и свободой.

– Это поселение цыган? – спросила я.

– Да, цыганская деревня. Их пристанище. Они в основном кочуют, но всегда возвращаются сюда. Постоянно здесь живут старики, дети и совсем молодые девушки, ответил мужчина.

– И какое это все имеет отношение к той чертовщине, что творится с вами? – совсем не испытывая жалости к этому человеку и его проблеме спросила я.

– Что ты видела тогда ночью?

– Я видела Тайлера, с черными, полностью черными глазами. Думаю, что вы были такого же вида, – проговорила я, пожимая плечами и облакачиваясь на ствол дерева.

Джастин кивнул и смотря в сторону деревни ответил:

– Я расскажу тебе то, что ты должна знать, чтобы каждый день не задавать себе вопросы.

– Ой ли, сомневаюсь, что после всего перестану задавать себе их, – хмыкнула я.

– Перестанешь, – спокойно проговорил Джастин.

– Хорошо, я слушаю, – усевшись на траву и обхватив колени руками я смотрела на деревню и принялась слушать его.

– Три столетия назад это место купил мой предок. Здесь ничего не было. Ни этого дома, ни города. Но была эта деревня. В ней было человек сто цыган, не более. Дед начал строить дом. Король же отправил сюда людей для осваивания новой территории и некогда пустующее место стало оживать. И все бы ничего, но свободолюбивые цыгане взбунтовались. Им не нужно было такое соседство. Они начали вредить жителям, пытаясь заставить их покинуть это место. Травили скот и лошадей, иногда похищали детей, которых потом находили напуганных в чаще этого древнего леса, устраивали пожары. Мой дед был молод, ему было около тридцати лет тогда. Горячая кровь, военная выправка и жестокий характер. Ему порядком надоели на тот момент эти бесконечные стычки с цыганами. Никакие переговоры с ними не давали результатов. Однажды дед, после громкого приема у себя в честь дня рождения дочери, и двое его друзей вечером поехали осматривать земли северного склона. Все трое были изрядно пьяны. Возле этого дуба они увидели молоденькую цыганку, которая срезала кору для каких-то снадобий. Выпитое вино и ненависть сыграли плохую шутку тогда с моим дедом и его друзьями. Они надругались над девушкой, после

чего закинули на лошадь и отвезли в деревню, где сбросили бесчувственную красавицу у ворот и уехали прочь. На следующий день, как ни в чем не бывало, дед, его жена и дочь, а также двое друзей сидели возле пруда и ужинали. Вдруг они увидели, что к ним приближается старая цыганка. Старуха шла, покачиваясь от обрушившегося на нее горя. Девушка, над которой они надругались, была ее внучкой. Потому уже им рассказали, что та девчонка не смогла пережить такого позора и после того, как ее нашли возле ворот и отвели к бабке, рассказала ей все, а когда та вышла во двор, чтоб нарвать трав, которые не дали бы девушке понести ребенка после той ночи, повесилась.

Цыганка подошла к деду, его друзьям и полоснув ножом по руке плеснула на них кровью, хлещущей из раны. Затем она проговорила что-то на своем языке и подошла к опешившей от увиденного жене моего деда и его дочери. Достав из кармана платья фигурку ребенка, измазанного кровью, швырнула ее к их ногам. Затем она выпила что-то из небольшого пузырька и рухнула замертво. Цыганку отвезли в деревню к ее людям, чтобы те похоронили ее. С того момента все и началось.

– Что началось? – недоверчивым тоном спросила я.

– Проклятие, цыганка наложила очень тяжелое проклятие, скрепив его своей смертью. Каждый месяц в день красной луны дед и его друзья, граф де Вилль и маркиз Бретонский, а в последующем и все потомки мужского рода, сей-

час это мы, становимся не властны над собой, нами владеет другая сила, темная сила. Это триплет демонов-жнецов неотделимых друг от друга. Их насылали цыганским проклятием только один раз в истории, было это очень давно. Много людей тогда пострадало от тех, кто носил это проклятье. Доселе неизвестно, как оно было снято, цыгане молчат об этом. Им было запрещено использовать это проклятье по пустякам. Цыганка нарушила тогда обет, поскольку воззвала к этой силе мстя не за целую общину, а только за внучку. А это по цыганским меркам слишком малая потеря для того, чтобы тревожить столь страшную силу.

– Джастин, это шутка такая? – я не понимала, то ли мне смеяться, то ли плакать от всего услышанного.

– Я бы жизнь отдал за то, чтобы это было шуткой, – строгий взгляд мужчины враз рассеял мои сомнения.

– И что вы делаете, когда эта чертовщина вами овладевает? – все еще не веря в то, что это правда, спросила я.

– Тебе знать этого не надо.

– Прекрасно! Мне прям легче стало. Жить мне под одной крышей с вами значит надо, а вот знать, чем вы занимаетесь, когда становитесь демонами – нет, – с сарказмом проговорила я.

– Это еще не все.

– Что еще? О, Господи!

– Когда кто-то из нас создает семью, то в браке первой рождается дочка. Ребенок всегда погибает, достигнув вось-

милетнего возраста. Такого возраста была дочка моего предка на момент наложения проклятия. Затем рождается мальчик, к которому в последствии и переходит проклятие.

Я судорожно потерла свои виски пальцами, пытаясь переварить то, что он мне сказал. Это было какой-то страшной сказкой и не укладывалось у меня в голове.

– Виктория, скоро ей исполнится..., – проговорила я.

– Да, – сухо ответил мужчина.

– А вы не думали не заводить семьи? Нет семьи – некому передать проклятье.

– Этого нельзя избежать, тогда будут последствия огромные для окружающих нас людей. Будут люди гибнуть. Это сила не подвластная нам, простым смертным. А так страдаем только мы, – пожал он плечами.

– Тайлер сказал, что вы доминанта. Что это значит?

– Я главный в триплете. У меня доминирующий жнец. Мы живем с ним рука об руку. Каждый из нас троих что-то получил. Филипп иногда видит будущее. Тайлер может сдерживать жнеца и не давать ему видеть свою жизнь. А я не могу этого, он все видит и все знает обо мне. И я все помню, до мельчайших подробностей, весь период каждой красной луны. У Филиппа и Тайлера это все сглаживается. У меня же нет. Я вижу, понимаешь, вижу, что он творит и ничего не могу с этим сделать. Одно радует, он не может влиять на меня вне периода красной луны. Тогда я живу своей жизнью. И еще его сила дает мне неограниченные ресурсы, которые я

трачу на помощь другим людям, чтобы хоть как-то искупить вину. Я так богат, что самому страшно становится иногда, – горько усмехнулся Джастин.

– Своей жизнью вы говорите живете? И это вы называете жить своей жизнью? – окинув его с ног до головы непонимающим взглядом спросила я.

– У меня это так, другого мне не дано.

– Почему именно вы доминанта? – не унималась я, поскольку мне просто необходимо было узнать все, пока он был расположен рассказывать это мне.

– Считается, что жнец выбирает самого сильного духом из троих.

– У меня вопрос. Вы сказали, что первый ребенок, девочка, погибает всегда. Вторым рождается мальчик, наследник этой чертовщины. Это что получается? Вы меня выбрали на роль матери этого ребенка? – с ужасом спросила я.

Джастин промолчал, смотря куда-то вдаль.

– А когда вы женитесь, вы говорите своей будущей жене, что ее ждет?

– Нет, проклятие переходит потомку только после смерти отца. Я не знал, что буду одержим, пока не умер мой отец. Я тогда уже счастливо женился и жил со своей любимой женщиной, ни о чем не подозревая. Говорить сыну о проклятии до определенного времени запрещено, иначе будет беда.

– А жены? Они все поколения знали все?

– Моему деду удалось оставить в неведении бабушку,

только ему. Он во многом продвинулся в изучении проклятья, цыган и их обычаев. Он всю жизнь ездил по миру, тщетно пытаясь решить проблему, делал записи. Мы ищем выход, но пока смогли сделать немного. Теперь что-то идет не так. Моя жена погибла, с твоим приездом Виктория ожила. Что-то меняется. Но что и к чему это все приведет, мы не знаем.

– Джастин, ответьте, вы хотите получить сына от меня? – осторожно спросила я.

– Мне нужен наследник, Алиса, иначе сила выйдет из-под контроля и то, что смог сделать мой дед, ограничив количество жертв для триплета, канет в небытие.

– Значит я как заводская сука? Нужна чтобы произвести на свет породистого щенка, которого потом отправят на закланье какой-то твари из преисподней? – возмущенно проговорила я, вставая с земли.

Джастин подошел ко мне и крепко схватив за талию притянул к себе, гневно сверкая своими голубыми глазами.

– Мой будущий ребенок – не щенок. Я не виноват в том, что сделал мой предок, а мне приходится с этим жить! В ночь красной луны я делаю страшные вещи, но я помогаю стольким людям потом, что ты себе и представить не можешь. И я не виноват, что твое любопытство пошло наперекор твоему здравому смыслу, когда я просил тебя не выходить из комнаты в ту ночь. Да, отпустить тебя я не могу и да, ты мне родишь наследника, который будет расти счастливым ребенком, ведь даже если ты не будешь его любить, это буду делать

я! Так же, как и мой отец тогда, когда мать развлекалась с очередным молодым любовником, он читал мне книжки и катал на лошади. А когда он женится, то я буду молиться, чтобы в день перехода проклятия его жена не отвернулась от него и поддержала! И он, как и я, научится с этим жить!

Он с таким отчаянием все это говорил мне, все крепче прижимая к себе, что мне стало не по себе и я попыталась отстраниться.

– Нет, – рывком вернув меня обратно к себе сказал Джастин. – Я не договорил. Еще одним качеством обладает доминанта триплета Жнецов, я могу внушать людям чувства – любовь, желание, покорность, страх. Но я никогда этим не пользуюсь. Я безумно тебя хочу, Алиса. Готов сейчас прямо здесь на траве взять тебя, но сдерживаю себя и даю тебе время привыкнуть ко мне. Ты говоришь, что я не оставил тебе выбора. Я бы не оставил его, если бы подавил твою волю. Но я не делаю этого, ты меня слышишь? Надеюсь, что теперь, когда ты все знаешь, ты согласишься на меня по-другому. Мне нужна любимая женщина рядом, по своей воле лежащая ко мне в постель. Другого мне не надобно. Я дам тебе и твоей семье все! Взамен лишь прошу, зная все то, что я тебе сказал, попытаться полюбить меня и помочь моей дочери, – его губы едва ли не касались моих, пока он все это говорил, и мне стало не по себе от такой близости этого мужчины, в венах которого текла адская кровь.

– Второе не обсуждается, я сделаю все, что будет от меня

зависеть, чтобы помочь малышке, потому что сама этого хочу. Но первое не могу обещать. Боюсь, как бы вам и правда силой не пришлось меня брать, чтобы заполучить наследника, – я с такой злобой вырвалась из его объятий, что встретила в его взгляде негодование, которое тут же сменилось на злость.

Поймав меня за ткань моего платья, он резко дернул меня к себе и повалил на траву. Впившись поцелуем в мои губы и удерживая меня руками, словно стальными тисками, Джастин начал задирать на мне юбку. Я в ужасе начала отбиваться от него, кусаясь и царапаясь. Но сильному мужчине мое сопротивление не приносило совершенно никакого вреда, и я поняла, что доигралась и слишком много лишнего наговорила ему.

– Нет, Джастин, не надо, прошу вас. Вы обещали, что не тронете меня против моей воли, я умоляю вас, – задыхаясь от нахлынувшего отчаяния прошептала я, вглядываясь в потемневшие от страсти глаза мужчины.

И внезапно он, схватив меня за запястья и прижав их к земле, остановился и проговорил:

– Все может произойти именно в такой форме, которой ты сейчас так испугалась. Ты не понимаешь еще, с чем играешь. А может быть вот так, – он нежно прильнул губами к моему рту успокаивающим поцелуем. Отпустив мои руки, одной ладонью он зарылся в мои растрепанные волосы, поглаживая шею, другой же нежно провел по внутренней сто-

роне бедра. Затем ласково поцеловал шею, спускаясь к моей груди. Расшнуровав корсет, он обвел языком мой сосок и слегка прикусил его, вызвав у меня стон, наполненный непонятным для меня чувством. Потом отстранившись он поднялся на локте и склонился надо мной, едва сдерживая возбужденное дыхание.

– Ты же чувствуешь что-то ко мне, я чую это. Если бы я этого не видел, то не настаивал бы так на том, чтобы ты была со мной. Ты мечешься просто между своей свободой и тем, что я тебе предлагаю. А предлагаю я тебе не мало. Просто строптивая, сильная девчонка не хочет сдаваться и не более того. Но хочешь ты меня не меньше, чем я тебя, – проговорил он и провел пальцами у меня между ног тем самым ощутив влагу моего возбуждения.

Да, в этот момент я поняла, что меня влечет к нему, как мотылек к огню темной ночью. Его запах, прикосновения, красивое сильное тело, прижимавшее меня к земле, чувственные губы и полные страсти глаза поднимали где-то глубоко во мне кипящую волну непривычных для меня ощущений. Осознание того, что я столкнулась с чем-то неизведанным и тайным подливало еще больше масла в сжигающий меня огонь. Всего пару минут назад я отчаянно отбивалась от него, с ужасом думая, что сейчас произойдет, а стоило ему показать, каким он может быть на самом деле, как растаяла и потянулась к нему. Это было так несвойственно мне, не понимать, чего же я хочу. Затем, тряхнув головой, будто бы

пытаясь выкинуть из неё это наваждение, я строго проговорила:

– Слезьте с меня, немедленно!

Джастин еще раз поцеловал меня и поднялся на ноги.

– Я буду ждать. Ты мне очень нужна, – проговорил он, окинув меня взглядом.

Ничего не ответив ему, я встала и приведя себя в порядок вскочила на Грека, затем пустила лошадь галопом и направилась домой. Подъезжая к особняку, я остановила лошадь возле озера, спешила и села на берег. Смотря на черную, спокойную гладь воды, я нервно потирала лоб, соображая, что же будет дальше со мной. Озеро спустя несколько минут начало затягивать едва различимым туманом и мне стало не по себе. Именно здесь утонула жена Джастина. Черт, и утонула ли она или ей помогли? Виктория ведь говорила, что они с Джестином тогда ссорились в ночь исчезновения. А что если это он утопил ее? Я не могла такое исключить, если учитывать то, что в нем сидел демон, черт или как его там называть, жнец. Встав на ноги и взяв большой камень, я швырнула его в пучину темной воды, вызвав этим шумный всплеск, эхом разнесшийся в темноте окружающего леса. Если уж бог привел меня сюда, значит это не должно быть напрасно. Я понимала, что должна помочь девочке, которой, если верить проклятию, действительно оставалось недолго жить в этом мире. Может мне действительно удастся разобраться во всем и помочь этому мужчине. Отец всегда го-

ворил мне, что не бывает ситуаций, из которых нет выхода, всему есть решение. С этими мыслями я вскочила на Грека и направила его домой. Отдав поводья конюшему, я зашла в дом, где меня ждал Джастин с беспокойным видом. Пройдя мимо него, я жестом руки дала ему понять, что у меня все хорошо, но просто не хочу говорить, затем поднялась к себе и приняв ванную упала в постель, зарывшись в мягкую нежность одеяла и унимая мурашки, которые побежали у меня по телу при воспоминании того, как губы мужчины ласково целовали мою шею.

Глава 5

Следующий день я провела в мастерской, полностью посвятив свое время реставрации картины. Искусство манило меня и давало хоть на короткое мгновение забыть кучу навалившихся на меня неожиданных поворотов судьбы. Джасти-на дома не было с утра, чему я была несказанно рада. После того, что произошло между нами вчера, встречаться с ним я не хотела. В обед ко мне в мастерскую зашла Кристин, неся перед собой на подносе вкусно пахнущий обед.

– Почему не видно Виктории сегодня? – спросила я у нее.

– Она с господином графом поехала в город, – сухо бросила в ответ служанка.

– Да неужели? – удивлению моему не было предела.

– Да, у них был такой заговорщицкий вид, будто бы они что-то задумали. Я так рада за них, может все-таки наладится все у них. Он же никогда с ней никуда не ездил. А сегодня они вышли такие счастливые из дома. Я думаю, что в этом и твоя заслуга есть.

– Да уж, заслуга. Шутка ли, в перспективе я будущая мамаша для ребенка, которому предстоит до конца дней мучиться со своей темной стороной. Нашел себе граф жертву в моем лице вот и радуется. Даже к дочке подобрел.

– Зачем ты так говоришь? Он хороший человек и очень красивый мужчина. Да и женщину он мог бы выбрать себе

любую. С такими-то деньгами, как у него. Это ты характер свой показываешь, а многие знаешь ли следы его бы целовали, попади в такую клетку, как ты назвала этот дом. А тебя после твоего любопытства просто оставил бы здесь пыль вытирать. Спасибо сказала бы ему еще, а то смотри, взбрыкиваешь все, – осуждающе проговорила женщина.

– Отчего же его жена тогда, так горячо любимая, повела себя так? Виктория мне рассказывала, как они ссорились перед тем, как она пропала. Такие слова не кидают тем, кого любишь.

– С ней такое приключилось, что тебе и не снилось. Не берись судить о том, чего не знаешь, – гневно проговорила Кристина.

– Хорошо. Что тогда с ней приключилось? – я просто должна была выудить из этой молчуньи хоть какие-то ответы.

– Вот у него и спроси, – уже едва ли не огрызаясь ответила служанка.

– Ладно, извини, Кристина. У меня нервы на пределе. Вот и цепляюсь ко всему подряд, – решив пойти на попятную, сказала я, понимая, что в этом доме у меня не так много союзников, чтобы я могла позволить себе отталкивать тех, кто здесь работает.

– А ты успокойся и смирись. Такой мужчина не каждой девушке достается. Да, есть у него эта проблема, но если не вникать в нее, то сама увидишь, сколько внимания и заботы

он тебе подарит. Это так, с виду он жестокий и властный. Но я же знаю, как он относился к своей жене. И Викторию он очень любит.

– А как же не вникать? Его же это мучит. И что они делают, когда жнецы набирают силу в лунную ночь?

– Я об этом не хочу говорить, поскольку дорожу своим местом. Он тебе многое сказал уже, остальное может оно и к лучшему, что ты не знаешь. Да и, в любом случае, узнавай все у него самого.

– А ты, Кристин, как ты сюда попала? Как ты ввязалась в эту историю?

– Я в ночь красной луны поссорилась с женихом была. Возвращалась уже поздно ночью домой. И увидела их троих. Они проехали мимо, и я подумала, что мне показалось все тогда. Но на утро меня позвали сюда в дом. Джастин поговорил со мной, и я осталась здесь работать горничной.

– Я одного не пойму, почему вы не можете жить как-то по-другому? Ладно я привязана тем, что если взбрыкну, то в тартарары полетит моя семья с ее бесконечными долгами и моя сестра вряд ли выживет, если выйдет замуж за того, кто эти долги навешал моему отцу. Вот там чудовище так чудовище. Но тебя я не думаю, что держит что-то подобное? Как же тогда, я не понимаю. Ты просто безропотно приняла все это? Ни семьи, ни детей.

– Я не знаю, что тебе сказать. Мне нравится здесь жить, я люблю этот дом, люблю малышку. Так судьба у меня сложи-

лась, что теперь поделаешь.

Я недоверчиво смотрела на Кристин и тут меня осенило. Чувства. Он же умеет внушать чувства. Он же сказал мне об этом тогда у дерева. Как я сазу этого не поняла. Кристин любит это место, люби девочку, уважает Джастина. Чувства, чувства, чувства. Вот черт! А сказал, что не пользуется этим. Швырнув кисточки в банку, я села в кресло и принялась есть.

– А дворецкий, конюший, кухарка, нянька? Они тоже с историей попадания сюда? – спустя пару минут раздумий спросила я у женщины.

– Да, но никто не жалуется. Все живут хорошо.

– А если бы у тебя был выбор? Ты бы ушла?

– Мне некуда идти. Да и зачем? Сотни тысяч людей живут точно так же, как и мы здесь. С одной только разницей, что мы знаем про своего хозяина все, уважаем его и получаем большие деньги за свою работу. Остальные, работающие в других богатых домах, я не думаю, что они в таких же условиях. Так что перестань прокручивать все это в голове, – забрав пустую посуду Кристин потрепала меня по плечу и вышла из комнаты.

Ближе к вечеру к дому подъехала повозка и из нее стремглав выскочила с громким смехом Виктория, едва ли не спотыкаясь помчалась ко мне в мастерскую. С трудом открыв дубовую дверь и придерживая ее ногой она втащила за собой огромную корзину с цветами.

– Это тебе, Алиса, от папы и от меня. Мы были сегодня

у моей крестной. У нее своя цветочная лавка. Мы выбрали самые красивые цветы. Вот, – поставив корзину перед собой, девчушка с гордостью протянула руки вперед, указывая на переливающуюся всеми цветами радуги красоту.

– Бог мой, как красиво! – проговорила я в восхищении, опускаясь на колени перед корзиной и вдыхая непередаваемый аромат.

– Папа выбирал розы, а я ромашки и колокольчики. Папа так старался. Он, наверное, влюбился в тебя. Он же тоже тебе нравится, правда, Алиса? – малышка с такой надеждой смотрела на меня, задавая этот вопрос, что я невольно закрыла глаза, не зная, что ей ответить.

Когда же я посмотрела на девочку, то увидела у нее за спиной облокотившегося о дверной косяк Джастина. Он с интересом смотрел на меня, явно желая услышать ответ.

– Нравится, Виктория, твой папа мне нравится, – ответила я, желая успокоить любопытство маленькой девочки.

Малышка обхватила меня руками и поцеловала. Джастин же едва уловимо кивнул головой и развернувшись вышел, оставив меня со своей дочерью.

– У меня тоже есть для тебя подарок, Виктория, – сказала я, подойдя к столу и доставая оттуда куклу, которую купила в день приезда. – Давно хочу тебе ее подарить, но все забываю.

Девочка схватила игрушку и пару минут с интересом ее рассматривала.

– Она на маму похожа, – грустно сказала она и прижала

куклу к груди.

Я присела и обняла ее, тихо прошептав при этом:

– Это хорошо. Пока я не доделала портрет, пускай эта куколка напоминает тебе о том, какой была твоя мама.

– Но папа не хочет, чтобы я все время вспоминала о ней. Она же мертвая, – нахмурилась девочка, перебирая пальцами волосы куклы.

– Помнить ушедших родных – это нормально, солнышко. И тосковать тоже нормально. Нужно просто понимать, что они там, на небесах. Мы же здесь, наш путь продолжается. Когда-то и мы, прожив долгую и счастливую жизнь, покинем эту землю. И за нами тоже кто-то будет тосковать. А пока надо жить и радоваться. А папа просто переживает о тебе, потому и не хочет, чтобы ты тосковала, – я улыбнулась и погладила девочку по голове.

– Папа сам тоскует. Он начал улыбаться только тогда, когда ты здесь появилась. Сегодня много улыбался. Мороженое даже ел. И на качелях меня покатал. Может он станет прежним, каким я его помню? Алиса, ты пожалуйста, если можешь, ты люби его, он хороший, – проговорила девочка тихо свою просьбу и у нее на глазах выступили слезы.

– Постараюсь, – ответила я, поцеловав Викторию в макушку. – А теперь беги, тебе нужно ужинать и спать.

– Спасибо тебе, – улыбнулась она и, крепко прижимая куклу к себе, вприпрыжку побежала на второй этаж.

Я же, накрыв картину и вымыв кисточки, закрыла мастер-

скую и пошла в гостиную, где ужинал Джастин. Усевшись за стол напротив него, я взяла наполненный красным терпким вином бокал и пригубила тягучий напиток.

– Джастин, мне бы хотелось продолжить вчерашний разговор, можно? И я буду с тобой на «ты», хорошо? – неуверенно спросила я.

– Можно, конечно, – мужчина заметно напрягся, услышав такую просьбу.

– Первое, что меня волнует. Твоя жена. Как она погибла? Где она похоронена? Это важно для меня, поскольку Виктория сказала, что в ту ночь вы ссорились сильно.

– Ты боишься, не убил ли я ее? – мужчина пытливо смотрел на меня.

– Ну ты или то, что в тебе. Да, боюсь этого. Я решила сразу поговорить об этом, чтоб не смотреть на тебя еще и с этим подозрением.

– Нет, я ее не убивал. Тело ее так и не нашли, поэтому нечего было хоронить. Нашли только ее накидку в воде у берега озера. Озеро глубокое, есть подземный приток большой реки. Возможно, ее унесло в море. Что с ней тогда случилось, я не знаю. Да, мы поссорились сильно, но убивать ее... я бы никогда и волоска на ее голове не тронул. В ее отношении ко мне и к Виктории виноват я сам. То, что она меня ненавидела в последние три года нашей совместной жизни, больно ранило меня. Но я понимал ее. Любая бы на ее месте возненавидела меня, – сделав отрывистый вдох, будто пытаюсь

совладать с горем, проговорил он и я поняла, что он перенес что-то такое, что даже словом «трагедия» назвать можно было с натягом.

– А люди, которые живут здесь, ты же им внушил что-то?

– Да, – спустя минуту молчания нехотя ответил мужчина, отодвинув от себя тарелку и вставая из-за стола.

– Но ты же говорил, что не пользуешься такой силой твоего жнеца.

– Иногда пользуюсь. Людей не так просто заставить делать то, что тебе нужно. Особенно, когда нужно, чтобы они никуда не уезжали и ничего не рассказывали. Не убивать же их за то, что я вынужден жить такой жизнью.

– А почему мне не внушил ничего? Это же легко, как я понимаю.

– А ты бы хотела, чтобы с тобой рядом был человек только из-за того, что ему навязли что-то?

– Нет, – согласилась я.

– Вот и я не хочу. Ты мне нравишься, искренне нравишься. Хочу, чтобы так же искренне и я тебе нравился. Все остальное – это безысходность.

– Но я ведь тоже здесь от безысходности.

– Твоя безысходность заключается только в пачке бумажек, которые лежат у меня в столе. Чувства твои свободны. Ты вольна любить или ненавидеть меня. А там жизнь покажет, – закурив сигару он встал и подошел к окну, вглядываясь куда-то далеко, в кромешную тьму.

Я почему-то только сейчас начала понимать, насколько было ему тяжело. Подойдя к окну, я присела рядом с ним на подоконник.

– Джастин, может задам странный вопрос. Но с твоим жнецом можно говорить, я даже не знаю, как это правильно сказать, общаться как-то?

Он посмотрел на меня сверху вниз в удивлении подняв бровь.

– Зачем общаться с ним?

– Мне интересно. Чтобы понимать, что оно такое. Нужно же искать выход какой-то.

– Нет, выхода нет, Алиса.

– А я думаю есть. Просто что-то все упускают. Ты говорил, что дед вел записи какие-то. Мне можно будет их посмотреть?

– Да смотри, если тебе хочется. Но там ничего существенного нет.

– Все равно я посмотрю. Но ты мне так и не ответил. Можно с ним говорить?

– Можно, только в день луны. Но ты этого делать не будешь. Я не дам.

– Почему?

– Елизавета хотела помочь тоже, но произошло непоправимое. Я не хочу, чтобы с тобой стало то же самое.

– А что с ней случилось, скажи, пожалуйста!

– Нет, эта тема закрыта. Не поднимай ее более. Ты дела-

ешь мне так больно, возвращаешь в самую ужасную ночь в моей жизни, – он погладил пальцами мой подбородок и вернулся за стол.

– А Филипп и Тайлер женаты? У них есть дети?

– Тайлер женат, у него дочка, ей четыре года. Филипп же пока не связал себя узами брака. Он никак не привыкнет к мысли, что ему необходимо это сделать. Он достаточно свободолюбивый человек, любовниц море, а вот жениться не надумает никак. У него есть дочь от его постоянной содержанки в Лондоне, ей уже шесть лет.

– Боже мой, девочки, которым суждено умереть. Это так страшно, – я даже глаза прикрыла, едва подумав о том, что грядет.

– Не говори мне об этом, прошу тебя. Ты не представляешь себе, какой это ужас, смотреть на ребенка и знать, что с каждым днем близится неминуемое расставание с ним. Моя мать так и не оправилась после смерти моей сестры. Она винила отца, потом возненавидела его и начала заводить себе любовников одного за другим после моего рождения. Отец очень страдал, а еще больше страдал я, маленький мальчик, не понимающий тогда, почему его мама и папа так несчастливы вместе.

– Скажи мне еще вот что. Я же могу ходить в город, заниматься всем, чем мне нужно. Могу ходить в церковь? Эта же тварь не против?

– Нет, не против. У нее своя цель, она далека от нашей

простой жизни. Пока она получает свое, она ни во что не вмешивается.

– Ужас какой! Ты меня извини, Джастин, но не обижайся на меня. Для меня это все еще как фрагменты мозаики из страшной сказки.

– Ничего. То, что ты это все спрашиваешь, это уже прогресс. Ты хотя бы начала принимать эту мою сторону.

– А луна когда следующая?

– Через неделю.

– Так скоро. Прошел почти месяц уже. Ладно, давай сменим тему, – проговорила я, решив, что на сегодня с меня достаточно информации об этой чертовщине.

– Давай, – улыбнулся он. – Тебе наряды понравились? Все подошло?

– Да, но это так дорого все. И зачем так много?

– Для меня нет понятия дорого. И, кроме того, должен же я тебя чем-то подкупить, – улыбка скользнула по его лицу снова, и я отметила про себя, что не такой он уже и жесткий, как мне раньше казалось.

– Нарядами меня подкупить вряд ли можно. А вот от своей студии в городе я бы не отказалась. Всегда мечтала о ней. Там бы я смогла рисовать, проводить уроки рисования для детей. Знаешь, сколько талантливых детей так и не раскрывают свой потенциал! А я бы искала таланты. Если можно, конечно, – неуверенно спросила я.

– Конечно можно, я же тебе обещал. Все что хочешь.

Лишь бы ты не чувствовала себя в клетке.

– Спасибо тебе, я пойду уже спать, ты не против?

– Конечно иди. Хороших снов тебе, – Джастин встал и поцеловал мне руку.

Я же подошла к нему и обвив руками его шею нежно поцеловала в губы. Мужчина ласково ответил на поцелуй, проведя рукой по моей спине, чем вызвал у меня невольное томящее чувство где-то глубоко внутри. Мягко отстранившись от него, я развернулась и пошла в свою комнату. В голове была мысль только одна. Пока я не знаю, что мне делать с этим человеком и своей жизнью, я должна по крайней мере усыпить его бдительность, мало ли какой следующий шаг нужно предпринять, а если он будет уверен в том, что я смирилась, будет проще. А может я просто так убеждала себя в тот момент, а на самом деле сама просто хотела его поцеловать и ничего более. Я уже и сама ничего не понимала.

Глава 6

– Алиса, Алиса, просыпайся, соня, – услышала я голос своей сестры и открыв глаза подумала, как же я скучаю по ней, раз мне слышится уже ее голос во сне.

– Мадмуазель! Тише! Еще все спят. – громким шепотом пыталась успокоить Кристин... мою сестру!!!

Сон как рукой сняло. Вскочив с постели, я вылетела босая в коридор и с ужасом смотрела на мою младшую сестру, которая тащила через весь коридор свой чемодан и звала меня.

– Настя! Ты? Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала? – не веря своим глазам, ошарашенно спросила я.

– Алисочка, миленькая! Я не смогла без тебя, – сестра бросила на пол свои вещи и кинулась мне на шею.

– О, Господи! Давай пойдем в комнату, – беря ее чемодан, я потащила его внутрь.

– Алиска, как я рада, что я теперь с тобой. Я чуть с ума не сошла, когда ты уехала! – расплакавшись Настя снова повисла у меня на шее.

– А как же папа? Ты его оставила?

– Он сам так захотел. Когда этот мерзкий граф пришел и напомнил ему о долге, папе стало плохо, и он вызвал свою сестру. Они с ней поговорили, и сестра согласилась забрать его к себе. Меня же решили отправить к тебе, поскольку от господина Генриха пришли документы о том, что все долги

выплачены графом Беверли и ты остаешься здесь. А так как граф Бронский не хотел отступать, несмотря на то, что деньги все ему вернули, то он начал угрожать отцу тем, что если я не выйду за него замуж, то пустит по миру его в любом случае. Поэтому мой отъезд не обсуждался. Папа письмо тебе передал, вот, прочитаешь, – протараторила Настя, вытаскивая из сумочки конверт и кладя его на комод.

– Ясно, – медленно садясь на край кровати проговорила я, не веря ни своим глазам, ни ушам.

«Вот только Насти мне здесь сейчас и не хватало», – подумала я, смотря на нее в тот момент, как она с восхищением рассматривала мою комнату.

– Тут такая роскошь! Такое все красивое! – завороченно проговорила она. – Богатого ты себе покровителя отхватила.

– Кого? – не веря своим ушам переспросила я.

– Ну, покровителя, любовника.

– Откуда ты таких слов нахваталась?

– У нас в школе все знают, что красивые молодые женщины иногда не выходят замуж, а просто ищут себе покровителя богатого, чтобы он оплачивал ее счета, покупал наряды дорогие, выводил в свет. Вот сестра Марии, помнишь ее? Она как-то приходила к нам в дом. Так она связалась с графом Роциным, он то женат, жениться не может на ней, зато купил ей дом, карету красивую, слуг нанял. В общем замуж можно и не выходить, и жить красиво.

– Меня так долго не было, что ли? Откуда такие мысли?

Настя! Какие покровители? Какие любовники? Что ты такое говоришь! – моему негодованию просто не было предела.

– Ну, ты же так жить начала. Правда что тебе оставалось? В твои-то годы! Разве что в содержанки, – Настя как всегда говорила совершенно не следя за своим языком. До нее только потом доходило, что она обидела человека и начинала извиняться.

– Алиса не содержанка, она моя невеста, – проговорил Джастин проходя к нам в комнату в приоткрытую дверь.

От неожиданности я подскочила на кровати.

– О, простите, господин граф, я не знала, – Настя сделала реверанс и виновато потупила взгляд.

– Теперь будете знать, мадмуазель, – проговорил он и поцеловал ее протянутую руку. – Я так понимаю, вы Анастасия? Сестра Алисы.

– Да, собственной персоной, – кокетничая проговорила она. – А вы, я так полагаю, наш спаситель, граф Джастин фон Беверли?

– Да, это я, – ответил мужчина вопросительно смотря на меня.

Я же только руками развела, давая понять, что я тут ни при чем и так же, как и он, не имела понятия, что Настя придет сюда.

– А если вы жених и невеста, то на когда назначена свадьба? – не унималась моя младшая сестра.

– Настя! – гневно воскликнула я.

– А что Настя? За мужчинами глаз да глаз нужен, а то вот так покуролесят и бросят с животом, расхлебывай потом кашу сама, – проговорила она, пытливно взглядываясь в глаза Джастину.

– Я так не поступлю, не переживайте.

– Хорошо, но вы мне так и не ответили. Когда свадьба? – не унималась моя маленькая чертовка.

– В сентябре. Такой ответ вас устроит?

– Конечно, двух месяцев хватит на приготовления, я надеюсь, – покачав головой, словно взвешивая все за и против, ответила Настя.

– Эй-эй, вы, двое. Вы меня спросили? – я в ужасе уставилась на них.

– А чего тебя спрашивать? Ты и так себя скомпрометировала, живя под одной крышей с таким красавцем. Теперь только замуж или в монастырь, – едва сдерживая улыбку проговорила Настя. – Да и мне, будущей чьей-то невесте, не нужна сестра с дурной репутацией.

Я сидела, раскрыв от изумления рот и в ужасе смотрела на Джастина. Но ему это все, казалось, было только на руку.

– Ну, вот видишь, Алиса, твоя сестра уладила за две минуты пребывания в доме то, чего мне не удалось сделать за месяц.

– Да я же ее знаю. Даю руку на отсечение, что вы ее даже в постель еще не уложили. Она такая строптивая и правильная, моя сестра. А мне ее замуж надо выдать, а то в против-

ном случае будет доживать свой девичий век в моей семье. А мне бы этого не хотелось.

Джастин расхохотался, услышав такую реплику, я же встала и подойдя к нему с улыбкой попросила:

– Оставь меня с сестрой наедине, пожалуйста!

– Как прикажешь, – едва улыбнувшись проговорил мужчина, закрывая за собой дверь.

– Ты что делаешь?! – возмущенно воскликнула я, обращаясь к Насте.

– Да успокойся ты. Я всего лишь довела до конца то, что вам еще не удалось. А теперь вот, свадьба осенью, так что готовься, – она радостно обняла меня.

– Настя, ну ты же ничего не знаешь!

– Да что тут знать?! Богатый, красивый, старше тебя, значит будет держать в узде твой характер, долги выплатил все. Да он спас нас всех! Папа знаешь как счастлив, что за его долги мне не пришлось расплачиваться. Тебе только замуж за этого графа, без вариантов. А там, глядишь, и я найду себе кого-то из его окружения в мужа! – Настя мечтательно улынулась.

От этой мысли у меня волосы на голове зашевелились. Не хватало еще этого мне!

– Так, ладно. Сейчас пойдем и попросим Кристин приготовить тебе комнату, а потом будем уже думать, что делать дальше с тобой, – переодеваясь проговорила я.

– Да что тут думать. Английский я знаю, закончу шко-

ду уже здесь. Потом поступлю в колледж. Я еще не решила, правда, кем хочу быть. Но за полгода думаю все образумится.

Я смотрела на Настю и несмотря на то, что, приехав сюда она все усложнила, безумно была рада, что она здесь. Она была такой легкой на подъем, такой беспечной, так легко решала все вопросы всегда и в отличие от меня была очень ветреной. Я одевалась и с восхищением наблюдала за ней, как она с интересом рассматривала стоящие на каминной полке статуэтки. Роста она была невысокого, на пол головы меньше меня, длинные светло-русые волосы были собраны под затейливой шляпкой и выбивались из-под нее непослушными, вьющимися кудрями. Посмотрев на меня своими голубыми глазами, в которых неизменно были искорки этакой хитрой невинности, она проговорила:

– А ты похорошела, находясь здесь. Одежда красивая и дорогая, прическа, духи. Настоящая молодая графиня.

– Я не графиня.

– Ну, скоро будешь.

– Настя! – едва ли не зашипела я на нее.

– Да ладно тебе, такого красавца отхватила и еще: «Настя, Настя». Я так за тебя рада. Ты заслужила счастья, ведь столько тянула нас с отцом на себе. Все проблемы решала, деньги зарабатывала, сутками рисуя эти картины. Должно же было что-то произойти и в твоей жизни хорошее.

– Да уж, хорошее, лучше не бывает, – покачала я головой.

– Не бывает. Он, как только вошел в комнату, то сразу по-

няла по его взгляду, что безумно тебя любит. А посмотрел на меня возмущенно как, когда я назвала тебя соержанкой. А глазищи какие у него, голубые-голубые, красивые. Породистый прям такой весь. И фигура какая, ноги какие сильные, длинные. Ты что, правда не спишь еще с ним? – удивленно спросила Настя.

– О, боже, дай мне сил! – закрыв глаза проговорила я.

Настя очень была похожа на свою ветреную мать, мою мамеху. Когда отец с ней познакомился, она на тот момент сменила уже кучу покровителей. Но влюбилась в него и до самой своей смерти хранила ему верность, чему я была несказанно рада, поскольку после смерти матери очень хотела видеть рядом с ним женщину, которая бы его любила так же, как и моя мама. Настя была такой же, как и ее мать. И я очень за нее переживала, поскольку понимала, если она сейчас не найдет себе человека, который полюбит ее и будет сдерживать эти ее ветреные порывы, то она неизвестно по какой тропе пойдет.

– Пойдем, примешь ванную и переоденешься, потом позавтракаем, – проговорила я, направляясь в ванную комнату.

Скинув с себя одежду, Настя погрузилась в душистую воду. Я же принялась намыливать ее длинные кудрявые волосы.

– Прямо как в детстве, – улыбнулась она. – Помнишь?

– Отчего же не помнить? Ты тогда была похожа на гусенка. Такая же страшненькая и неуклюжая, – смеясь ответила я.

– Да какая страшненькая?! Я красивая всегда была.

– Ага, мышка-норушка!

Настя рассмеялась и окатила меня струей брызг. Я возмущенно ответила ей тем же. Так мы и плескались, смеясь, пока в ванную комнату не вошла Кристин, в ужасе смотря на разлитую по всему полу воду.

– Мы все уберем, не переживайте! – испуганно проговорила Настя.

– Да ну вас, уберут они! – наигранно строго проговорила Кристин, явно радуясь тому, что в этом доме за такое долгое время слышен смех. – Идите одевайтесь. Вас господин граф ждет, завтракать пора.

Мы вытерлись насухо пушистыми полотенцами и пошли одеваться в гардеробную.

– Я сейчас умру от зависти, – воскликнула Настя, проводя восхищенно рукой по длинной веренице моих нарядов. – За такую красоту мужчину нужно ублажать каждую ночь.

– Да ты опять за свое!

– Прости, больше не буду. Ты представляешь себе, сколько это все стоит?!

– Не представляю.

– Вот и я не представляю. Еще недавно мы с тобой чулки штопали свои. А сейчас королевские наряды оденем. Мне же можно выбрать все, что захочу?

– Конечно, что за вопросы такие.

– Мало ли, может ты зазналась тут, среди всей этой роскоши.

– Да ну тебя, ты же меня знаешь.

Настя взвизгнула от радости и принялась выбирать себе платье. Остановившись на нежно-голубом муслиновом платье и такого же цвета туфельках она в восхищении смотрела на себя в зеркало.

– Туфли только велики немного, – грустно проговорила она.

– Купим мы тебе туфли, не переживай, а теперь пойдем. И так заставили уже слишком долго ждать себя.

Спустившись в гостиную, где нас уже ждали за столом Виктория и Джастин, мы сели за стол и переглянулись, засмеявшись при этом.

– Виктория, позволь мне представить тебе мою младшую сестру. Ее зовут Настя, – проговорила я.

– Мне очень приятно, мадмуазель Настя. Я рада, что вы приехали к нам. Алиса очень по вам скучала. Вы очень красивая, – ответила малышка серьезным тоном.

– Спасибо, я тоже рада с вами познакомиться.

– Настя, вы же школу не окончили получается? – спросил Джастин.

– Нет, но надеюсь, что смогу продолжить учиться здесь. Английский я знаю в совершенстве, училась хорошо, поэтому думаю, что проблем у меня не будет с этим.

– Хотите, я могу нанять учителя, чтоб вы могли учиться дома.

– О нет, нет, вы что! Я люблю общество, люблю движение.

Это же так интересно. Если вы не против, конечно, я бы хотела ходить в местную школу.

– Это уже вам решать, не мне. Школа у нас хорошая, учителя одни из лучших в Англии. Вам понравится, – Джастин рассматривал мою младшую сестру изучающим взглядом.

– Настя, а вы не хотите погулять со мной в саду? – доедая свой завтрак спросила Виктория.

– Ой, я с радостью! – Настя вмиг доела завтрак и облизав пальцы выскочила из-за стола.

– Далеко только не уходите, – строго проговорил Джастин и поцеловал подошедшую к нему девочку в макушку.

Он так изменился за последнее время. Неужели это был тот человек, который стоял возле окна, без эмоций наблюдая за тем, как дочь стоит у края? Что так изменило его? Не могла же быть я причиной такой метаморфозы? Или может он, видя то, как она возвращается к жизни, почувствовал в себе восстающую волну надежды на то, что дочь, его девочка останется жива? А до этого просто прятал все в себе, обреченно зная, что рано или поздно придется с ней расстаться и не хотел привязываться к ней? Я все больше и больше думала об этом непростом человеке. Как мне помочь ему? Я не знала с чего мне начать, но одно было неизменно ясно мне – я должна сделать все, чтобы найти хоть какой-то ответ в этой запутанной задаче, наполненной мистическими вопросами.

Виктория и Настя вышли на улицу, и мы остались одни.

– Хорошая у тебя сестра, такая светлая, добрая.

– Да, она такая. Еще не битый жизнью ребенок, с широко открытыми глазами, полными веры в прекрасную жизнь, смотрящий с надеждой в будущее.

– Ты тоже была такой?

– Нет, я рано повзрослела, когда мамы не стало. Пришлось многое делать самой. Была, конечно, няня, но и мне доставалось многое. Потом отец женился, родилась Настя. На меня практически никто не обращал внимания. Одета, сыта, да и ладно. Тогда я стала рисовать. Могла часами стоять у мольберта, исправляя в сотый раз неправильно нарисованную ветку дерева. Это меня и спасло. Потом умерла мачеха. Отец начал пить, играть в карты. Появились долги. Затем он заболел. На пенсию военного не очень-то хорошо проживешь с двумя детьми. К тому времени я уже очень хорошо рисовала. Няня находила мне клиентов, которые платили сущие гроши за мои работы, совсем не стесняясь этого. Так и кормила семью. Настя училась в школе, я же рисовала. Училась я дома, экзамены только сдавала в школе. Так и жила, пока ты не предложил мне работу, – грустно проговорила я.

– Ты прости меня за то, что решил так поступить с тобой. Просто не видел другого выхода. Будь по-другому все, я бы тебе помог, не прося ничего взамен, – с горечью в голосе проговорил мне Джастин.

– Нет, ничего, я же понимаю все. Теперь я знаю все, ну или почти все, не переживай. Меня только одно сейчас волнует. Как быть с Настей?

– Я подумаю. Возможно, ей лучше будет жить в школе для девочек? Там очень хорошие условия. Прекрасные учителя. Это ведь всего на полгода. Затем она поступит учиться в колледж, а я думаю так оно и будет, и вопрос будет решен сам собой. А здесь не знаю. Я бы не хотел ставить ее в такое опасное положение. Ты сама понимаешь. Только вот уладить все быстро так не удастся. В наступающую ночь красной луны придется тебе присмотреть за ней. Завтра приедут Тайлер и Филипп. Постарайся не оставлять ее с ними наедине. Особенно ночью, сделай все, чтобы она ничего не увидела.

Глава 7

На следующий день я с тревогой ждала приезда мужчин. Хотя постепенно и свыкалась с мыслью, что это не просто мужчины, а еще и нечто другое, но постоянная тревога все равно подтачивала меня изнутри. А теперь в доме была еще и моя младшая сестра, которая в силу своего юного возраста была слишком беспечной и на раз-два могла попасть в неприятную историю. Весь день она носилась по дому и территории усадьбы на пару с Викторией. Хоть разница в возрасте у них была в десять лет, но я бы скала, что Виктория была даже более благоразумной, чем эта взбалмошная бестия в лице моей сестры.

Ближе к вечеру я услышала стук копыт подъезжающих лошадей и внутри почувствовала нотки просыпающейся паники. В гостиной послышался дерзкий смех Тайлера и Филиппа. Не понимала, как они могли быть такими беспечными накануне того, что с ними происходило? Я бы, наверное, с ума сошла бы, если бы со мной такое творилось. Оставив инструменты в покое, я вышла к ним.

– Алиса, рад вас видеть, – прищурив глаза проговорил Филипп.

– Она бы тоже так хотела сказать, но сомневаюсь, что так думает, – проговорил Тайлер спокойным тоном.

Я только лишь пожала плечами в ответ. Ведь он был прав.

Мужчины по очереди поцеловали мне руку и собрались идти к себе в комнаты в дальнее крыло, как тут произошло то, чего я так боялась. На втором этаже послышался громкий смех и быстрый топот ног. На лестницу выскочила Настя и стремглав бросилась бежать по ней вниз, убегая от Виктории. Когда до пола оставалось лишь пару ступенек, она оступилась и с диким визгом упала прямо в объятия подоспевшему Филиппу. Виктория в испуге убежала в комнату, а я руками закрыла свое лицо. Нет, не от того, что Настя упала. Я была в ужасе, что этот мужчина и моя сестра все-таки встретились, да еще и таким образом. Обнимая за талию раскрасневшуюся Настю с растрепанными кудрявыми волосами, волной ниспадавшими ей до самой талии, Филипп с интересом смотрел на нее.

– Вы меня спасли, я чуть ноги себе не переломала, – восхищенно проговорила Настя, совсем не пытаясь освободиться из его объятий.

– Я готов спасти такое прекрасное создание хоть каждый день, – ответил Филипп.

– Так-так, ничего не случилось, все хорошо, – затараторила я, подойдя к парочке и вытаскивая Настю из объятий Филиппа.

– Ну, ты чего? – обиженно буркнула Настя.

– Вы представите нас? – отозвался Тайлер, с интересом наблюдавший за происходящим.

– Это моя сестра, Анастасия. А это граф Филипп де Вилль

и маркиз Тайлер Бретонский. – нехотя представила я их Насте.

– Вы не похожи, – заметил Филипп.

– У нас матери разные, – кокетливо хлопая ресницами проговорила Настя.

– Так, давай, живо наверх к себе, – поджав губы, процедила я и подтолкнула сестру к лестнице.

– Ну, вот вечно так, чего мне наверху делать? – обиделась Настя.

– Чего-чего! Ничего. Иди, – ответила я тоном, не принимающим возражения.

Настя сделала реверанс и проходя мимо Филиппа положила ему руку на плечо, прошептав при этом:

– Благодарю вас за спасенную невинную жизнь, – и улыбуясь плавно покачивая бедрами стала подниматься по лестнице.

– Даже не думайте, Филипп, – прошипела я мужчине, видя с каким он интересом смотрит на мою сестру. – Ей всего семнадцать.

– Моей матери было шестнадцать, когда они с отцом поженились, – с насмешкой ответил мужчина.

– И что? Много счастья у нее было с вашим отцом? – сделав намек на то, что происходило в их семьях, спросила я.

– Не поверишь, Алиса, много, – сверля меня взглядом ответил Филипп.

– Ладно вам двоим, – предчувствуя нарастающую пере-

палку одернул нас Тайлер, – Филипп, пойдём, нужно переодеться с дороги.

Откланявшись, мужчины покинули меня, и я пошла к Насте. Зайдя к ней в комнату, я увидела ее сидящей на кровати и нервно болтающей ногами.

– Ты почему ведешь себя так, будто я маленькая? Да еще и при мужчинах! – спросила она и на глаза у нее навернулись слезы.

– Ты молоденькая еще, я хочу тебя уберечь.

– От чего уберечь? От замужества? – проговорила она, надув губы.

– Нет, просто есть мужчины, от которых лучше быть подалее.

– Это ты про этого, который поймал меня?

– Да, про него.

– Почему? – сестра нахмурила брови.

– Я не могу сказать.

– Если не можешь сказать, то и обращать внимания на твои слова я не буду. Он красивый такой. Граф де Вильль.

– Настя, я серьезно.

– Я тоже серьезно. Графиня Анастасия де Вильль, красиво звучит, правда?

– Ты уже и замуж успела себя выдать! Ну ты, Настя, даешь!

– А чего? Я красивая, молодая, почему бы и нет.

– Он не из тех, кто женится.

– Всегда найдется та, которая сможет женить на себе любого ловеласа. Я как раз такая.

– У него любовниц море, содержанка постоянная, дочка от нее. Ты головой думай то, оно тебе надо, такое счастье?

– Ой, подумаешь, любовниц море. Со мной будет, забудет про всех.

– Какая же ты наивная еще!

– А ты глупая. Ты думаешь, что твой граф фон Беверли прям такой святой? Мне Виктория рассказала, что ее папа куда-то иногда ездит, потом возвращается и пахнет женскими духами, всегда разными. И куда же он ездит, а?

– Не слушай, что говорит Виктория, она ребенок еще, – поморщившись от неприятной мысли, что у Джастина есть любовницы ответила я.

– Да дети как раз и говорят всегда правду. Она очень за тебя переживает, вот и рассказала мне.

– Сейчас речь не обо мне. Прошу тебя, Настя, будь осторожна. Это не тот человек, с которым ты будешь счастлива.

– Да ладно тебе, я пошутила.

– Насчет чего ты пошутила?

– Я хочу учиться, а потом уже замуж когда-то, не сейчас. Так что будь спокойна.

– Очень на это надеюсь, – проговорила я, зная, что Настя сейчас просто пыталась усыпить мою бдительность.

В этот момент в дверь постучали и в приоткрывшуюся щель просунулась маленькая головка Виктории.

– Ты жива? – прошептала она Насте.

– Жива, жива, заходи.

– Я видела, как тебя дядя Филипп поймал.

– А он хороший, дядя Филипп? – спросила Настя.

– Хороший, наверное, только я не люблю, когда они с дядей Тайлером приезжают. Папа тогда плохой бывает.

– Почему плохой? – удивленно посмотрев на меня спросила Настя Викторию.

– Я не знаю, – ответила девочка.

– Алиса говорит, чтобы я держалась от дяди Филиппа подальше, а ты как думаешь?

– Настя, Виктория ребенок, что она может тебе сказать?! – возмутилась я.

– Я думаю, каждый мужчина может стать хорошим, если рядом будет красивая женщина. Папа же начал стараться, когда Алиса появилась здесь, – мечтательно проговорила малышка, обнимая меня.

– А насчет того, что папа пахнет духами женскими, когда приезжает иногда, ты же правду сказала? – не унималась Настя.

– Прекрати, – одернула я сестру.

– Зачем ты рассказала ей? Теперь они поссорятся, и Алиса уйдет от нас. Зачем ты сказала? Какая ты вредная, Настя! Это был секрет!

Девочка расплакалась и выскочила из комнаты, оставив меня в недоумении смотреть ей вслед.

– Ты бы научилась следить за языком своим наконец-то, Настя, – с укором бросила я сестре и пошла в комнату к Виктории.

Тихонько постучавшись, я вошла в эту святая святых детства, полную красивых игрушек и наполненную запахом конфетных духов. Виктория лежала и всхлипывая обнимала большого белого мишку.

– Да ну, чего ты, солнышко, – присев на край кровати я с любовью погладила девочку по голове.

– Ты же не бросишь нас с папой из-за того, что сказала Настя?

– Не брошу, но мне бы хотелось услышать от тебя самой то, что ты ей рассказала.

– Не хочу, не хочу тебе говорить!

– Я так буду только переживать, если ты не скажешь мне. Обещаю, все будет хорошо.

– Обещаешь, точно? – сопя носом спросила Виктория.

– Да, точнее некуда. Что ты говорила о папе Насте?

– Папа иногда приходит домой, когда дядя Филипп и дядя Джастин приезжают, то он бывает пахнет сильно духами. Да и не только он, они все. Я всегда остро чувствую запахи. Вот и в прошлый раз они прошли мимо меня, и я почувствовала, что они пахнут женскими духами. Я стояла на лестнице, а они прошли мимо, страшные такие, грязные, они меня не заметили тогда. Когда я совсем маленькая была, то помню мама очень страдала в такие дни, плакала, когда эти двое

приезжали. Что происходит с моим папой, когда они здесь?

– Не знаю, солнышко, но обещаю, что узнаю и постараюсь помочь, – задумчиво ответила я девочке.

– Спасибо тебе. Я Настю, наверное, обидела?

– Не переживай, Настю полезно иногда ставить на место, – улыбнувшись ответила я.

В этот момент в комнату зашла Гертруда и проговорила:

– Алиса, там ваша сестра направилась в другое крыло. Я сказала ей, что туда ходить нельзя, господин граф не разрешает, но она не послушала.

– Вот дурочка какая! – воскликнула рассерженно я и пошла искать свою горе – сестру.

Таинственное крыло таким совсем не являлось на первый взгляд. Не знаю, что я ожидала здесь увидеть? Головы на пиках? Ничего подобного здесь не было. Интерьер мало чем отличался от остальной части здания. Красивый ковер на полу в длинном коридоре, по обе стороны которого были двери в комнаты. Симпатичные картины на стенах и цветы у дальнего окна. Оглядевшись я позвала сестру, но ее нигде не было видно. Проходя мимо одной из комнат, я увидела, что дверь приоткрыта и решила тихонько заглянуть туда. У большого дубового стола стояли Джастин и Тайлер, рассматривая длинные прутья, плетки и еще невесть какую дрянь.

– Алиса? – повернувшись в мою сторону, будто почуяв меня, гневно произнес Джастин. – Ты же знаешь, что сюда ходить нельзя.

– Ох, простите, что помешала вашим забавам, – презрительно кинула я ему в ответ. – Гертруда сказала, что Настя пошла сюда. Я хочу ее найти.

– Ее увел отсюда Филипп, – ответил мне Тайлер.

– Она что, с Филиппом ушла? Ты почему не сказал? – бросив гневный взгляд на друга, спросил Джастин.

– Да ничего он ей не сделает, чего вы так боитесь? Девчонка сама сюда пришла, искала его, я позвал Филиппа, и они ушли в сад.

Подойдя к Тайлеру, я остановилась напротив него и сказала:

– Почему я боюсь? Ты правда считаешь, что мне бояться нечего, Тайлер? Если с ее головы упадет хоть волосок, я своими руками придушу того, кто будет причиной этому? Ты понял меня? Вы поняли меня? – поворачиваясь к Джастину проговорила я.

– Алиса, все будет хорошо, я тебя прошу, не переживай, – ответил мне Джастин. – Главное помни то, что я тебя просил сделать.

Ничего не ответив ему, я вышла в коридор и пошла в сад, где, как мне сказал Тайлер, были Филипп и Настя.

Подходя к пруду, я стала свидетельницей картины моего плохого предчувствия. Филипп и Настя стояли у пруда возле необъятного дерева. Настя, поднявшись на носочки, обхватила руками шею мужчины и медленно приблизившись к его губам одарила его робким поцелуем. Филипп не двигался и

лишь едва уловимо ответил на такую смелость моей сестры. Я же, потеряв дар речи, смотрела из своего укрытия за происходящим. Мне было интересно, как он поведет себя в ответ на такую дерзость молодой девчонки.

Легко отстранившись от нее, он проговорил:

– Ваша сестра не будет в восторге, если узнает.

– Да она всегда не в восторге от меня, – ответила она и снова попыталась его поцеловать.

– Настя, вы еще слишком молоды.

– Ну и что. Или я вам не нравлюсь?

– Вот именно, что нравитесь. Но я взрослый мужчина и детские игры с поцелуями меня не интересуют. Вам нужен молодой юноша для всего этого, я же могу быть просто опасен для молодой, невинной девушки, вы понимаете меня?

– Но вы же меня не обидите? Я чувствую, – проводя рукой по его губам спросила она.

Филипп стоял без движения всего мгновение, потом резко прижав Настю к стволу дерева одним рывком задрал подол ее платья проведя рукой по обнаженному бедру и схватил за волосы, дернув ее так, что она запрокинула голову и вскрикнула. Прежде чем я успела выскочить из своего укрытия, я увидела, что он так же быстро и отпустил ее, строго проговорив при этом уже явно напуганной Насте:

– Ну что, готова дальше играть? Прежде чем идти к взрослому мужчине, потрудись подумать, чем это чревато для тебя. А теперь иди в дом и подумай о своем поведении, – гроз-

но отчитал он ее.

Настя поправила платье и отвесила ему звонкую пощечину, затем явно испугавшись такого своего порыва, со слезами на глазах стремглав кинулась в дом. Я же, не ожидая такого поворота, дождалась пока сестра войдет в дом и тихонько подошла к стоявшему возле пруда Филиппу.

– Я не сволочь. Вы же так обо мне думали? – спросил он, не оборачиваясь ко мне.

– Честно признаться, да, – ответила я.

– Если мы и подвластны чему-то нехорошему, так сказать, в определенное время, это не значит, что мы чудовища и вне периода времени этой луны, – спокойно проговорил Филипп.

– Извините. Если честно, то я не знаю, за чье поведение из вас двоих больше переживала. Настя она такая... безответственная.

– Я так не думаю. Она просто ищет любви. Она молоденькая, еще не обжегшаяся на отношениях, красивая барышня. Наивная и чистая.

– Может вы и правы. Я просто очень переживаю за нее. Да и у вас репутация та еще. Поэтому и испугалась.

– Джастин уже донес обо мне?

– Да, но он не со злом это. Я просто спросила женаты ли вы с Тайлером. Он и ответил.

– Я не женат не потому, что мне бы этого не хотелось или я такой ужасный ветреный ловелас, – усмехнувшись прого-

ворил Филипп, поворачиваясь ко мне. – Просто я узнал о проклятии от своего отца до того, как женился, в день его смерти. Он считал, что у меня должен быть выбор, связывать свою жизнь с кем то, кто потом, возможно, будет страдать от того, от чего убежать у меня не получится, или жить такой жизнью, которой живу сейчас я. Он нарушил правило тогда, когда рассказал мне и поэтому умирал в ужасных муках, хотя жнецы обычно делают смерть легкой, когда жизненный век подходит к концу, отдавая должное так сказать тому, кто был верен ему. С моим отцом так не было, я до сих пор помню его крики. Благо, он был очень сильным человеком и смог сдержать его перед смертью, когда тот требовал крови окружающих за неповиновение, оказанное этой силе.

– Но вы сказали, что ваша мать была счастлива с отцом.

– Да, счастлива была. Она его очень любила, поэтому и была рядом с ним все время. Но это не значит, что она не страдала, когда он приезжал домой окровавленный и пропитанный чьей-то болью.

– Джастин сказал, что у вас есть дочь? – мельком окинув взглядом мужчину спросила я.

– Да, есть дочь. И вы знаете, что с ней будет по достижению восьми лет, не так ли? Джастин же вам все рассказал?

– Да, – грустно проговорила я. – Я у вас еще хочу спросить. Что вы делаете, или что вернее жнецы делают в ночь красной луны?

– Это вам знать не нужно, – жестко ответил Филипп.

– Хорошо, – наигранно покорно сказала я, понимая, что раз уж расспросами ничего мне не добиться, нужно будет выяснять все самой.

– Давайте сменим тему, я не люблю говорить об этой стороне моей жизни, – мужчине явно был неприятен разговор о той стороне, которая порой руководила им.

– Извините, я просто становлюсь частью жизни Джастина и пытаюсь найти ответы.

– Ответов нет, Алиса. Вы либо принимаете это, либо нет.

– Все ясно, – развела я руками.

– А теперь вернемся к разговору о Насте. Она мне понравилась. Да, она молодая и в силу своего возраста ветреная, именно поэтому ей и нужен мужчина старше нее, а не молоденький юноша. Я напугал ее сегодня, но не думаю, что она прям усвоила этот урок. Она будет искать впечатлений еще и не важно от кого, но она добьется того, чего так желает. В следующий раз мужчина, которого она начнет целовать, не будет думать о ее чести. Поэтому я решил спросить вас. Если я сделаю ей предложение, вы не будете против, если она согласится?

– Но вы же только что сказали, что не хотите жениться.

– Я сказал, что не хотел. Я искал выход из ситуации, но его просто нет. Поэтому принял все как должное и перестал бороться с этим. Я слишком многое повидал уже к сорока годам и понял, что пора создать семью. Настя молодая, у нее легкий характер с позитивным отношением к жизни. Думаю,

что она примет все легко, если мне не удастся ее оградить от этого. Дочери у нас не будет, ребенка она не потеряет, родится сын. Она будет счастлива, я вам обещаю. Не отвечайте сейчас, подумайте, – видя мое недоумение мягко проговорил мужчина.

– Вы так спрашиваете у меня, будто это зависит только от меня. Если Настя будет против?

– Настя не будет против, это я уже сегодня понял, – усмехнулся он.

– Да с чего вы поняли? С того, что она из интереса целоваться к вам лезла?

– Нет. Вы забываете, что у меня опыт общения с женщинами огромен. Простой интерес от зарождающихся чувств я отличить умею, – легкая улыбка тронула губы Филиппа.

– Да вы намучитесь с ней! – пытаюсь отговорить таким образом мужчину от намерений, которые не одобряла в корне.

– Нет, как раз с такой фурией я и буду счастлив прожить свою жизнь.

– Я должна подумать, но до тех пор, прошу вас...

– Буду держать дистанцию, я обещаю.

– Филипп, скажите, почему вы спрашиваете у меня? Вам это важно? Дам я согласие или нет...

– Это будет важно Насте, – ответил мне мужчина и легко поцеловав мою руку направился в дом.

Вот так поворот. Смотря вслед уходящему мужчине, я судорожно соображала, что мне со всем этим делать. Доля

правды была в его словах, я сама это видела в поведении моей сестры. Она рано повзрослела и теперь жаждала новых ощущений, которые мог дать ей мужчина. И да, я понимала, что только такой человек, как граф де Вилль мог сдержать ее норы и не дать пойти по тому пути, по которому в свое время пошла ее мать, пока не встретила моего отца, в чем ей очень повезло. Ведь закончиться это могло все для нее ох как плачевно. Но как быть с другой стороной его жизни, как не обращать на это внимание? Я не знала еще, мне самой это все предстояло пройти, и я не была уверена, хочу ли, чтобы моя сестра тоже шла таким же путем. Поразмыслив я решила, что пока не буду знать всей подноготной этой чертовщины, согласия на брак я не дам. С такой мыслью я пошла в дом и поднялась на второй этаж к комнате Насти. Подойдя к двери, я услышала ее рыдание. Усмехнувшись я тихонько постучала, открыла дверь и едва сумела увернуться от летящей в меня подушки.

– Вижу, ты мне рада, – смеясь ответила я на столь дерзкий жест. – Чем я обязана такому приему?

– Уходи, не хочу никого видеть, – вытирая зареванный нос закричала Настя.

– Давай, рассказывай, что случилось.

– Не хочу.

– Настя, не будь ребенком, говори.

– Этот граф де Вилль, он меня обидел, – проговорила она дрожащими от переизбытка эмоций губами.

– Да что ты говоришь! И что он такое сделал?

– Он отчитал меня как маленькую дурочку, – заревев еще сильнее ответила Настя.

– И за что он тебя отчитал?

– Я просто поцеловала его.

– Ясно, ты как всегда напролом, – простонала я.

– А чего ждать?

– Настя, отношения женщины и мужчины должны развиваться не так стремительно, как тебе хочется. Всему свое время.

– Всему свое время сказала барышня, которая у нас на родине считается уже старой девой, – зло проговорила она.

– Зачем ты так?

– А как? Я не хочу быть как ты, чтоб потом думать, выйду замуж ли нет. Это хорошо, что тебя подобрал Джастин, а так бы что? Ни детей, ни мужа. Я не хочу так!

– Не смей так со мной разговаривать! – прикрикнула я на нее и на мои глаза навернулись слезы. – В то время, когда все подружки выходили замуж, я работала чтобы прокормить вас с отцом. Ты училась в хорошей школе благодаря кому? Ты ни о чем не думала благодаря кому? А я сутками рисовала до судороги в руке, держащей кисточку, меня тошнило уже от запаха красок, но я упорно делала свою работу, чтобы у тебя было будущее! И теперь ты думаешь благодаря кому у тебя есть будущее? Я своей свободой расплатилась за то, чтобы тебя не отдали как вещь за уплату долгов нашего

отца! Или ты думаешь я пышу к графу Беверли такой необъятной любовью и просто безумно счастлива от того, что стану его женой? Да он купил меня тем, что выплатил все долги наши! Он мне выбора даже не дал! Просто поставил перед фактом! И да, чем не иметь выбора, быть с мужчиной или нет, я предпочла бы остаться старой девой! Надо было поступить по-другому, пускай бы тебя выдали замуж за то чудовище! Тогда я была бы свободна! Все равно благодарности от тебя никакой. Ты бессовестная бессердечная, избалованная девчонка! – высказала я все это ошарашенной Насте и в слезах выбежала из ее комнаты.

Захлопнув дверь, я увидела в коридоре Джастина, который стоял, облокотившись о стену и смотрел на меня со смесью разочарования и боли в глазах. Он слышал всю мою речь, которая была просто пропитана моим внутренним состоянием.

– Что ты смотришь на меня так? Можно подумать ты этого не знал! – горько проговорила я.

Джастин ничего не ответил и только едва уловимо кивнув, спустился по лестнице и вышел на улицу, где вскочил на коня и пустился галопом по направлению к городу. Я же в ужасном настроении ушла в свою комнату и упав на кровать забылась тревожным сном. Проспала я так не знаю сколько, но, когда открыла глаза, увидела, что уже наступила ночь. Встав с кровати и приведя себя в порядок, я вышла из комнаты и направилась на первый этаж в гостиную, откуда слы-

шались голоса мужчин. Войдя в комнату, я увидела сидящих за столом и явно чем – то расстроенных Тайлера и Филиппа. При виде меня они замолчали.

– Что-то случилось? – спросила устало я, усаживаясь на свое место и наливая себе чай из горячего чайника.

– Случилось. Джастин вернулся из города просто в ужасном состоянии, он пьян и сильно расстроен. Мы его еле уложили спать. – процедил сквозь зубы Тайлер.

– Ясно, – только и ответила я.

– Нет, вам не ясно, Алиса. Завтра эта ночь, она и так требует от нас недюжинных усилий, выматывает и высасывает нас, а после такого состояния, в каком он сейчас, для него это будет сущим адом. И сегодня я слышал, что вы говорили своей сестре. А потом и Джастину. Зачем вы так? Вы хоть понимаете на что он идет, не вмешиваясь в ваши чувства? Он дает вам свободу быть собой, вы это понимаете? И думаете легко совладать с той тварью, что сидит в нем? А она требует подчинять всех, кто узнает о нашем проклятии. Не подчинять можно только любимую женщину, это так сказать дар от них, подачка для человека, чтобы у него был смысл в жизни. Но женщина должна тоже любить, иначе, когда жнец чувствует, что кто-то выходит из-под контроля, то приходится прибегать к тому, чего никто не хочет из нас. С Елизаветой он не захотел тогда так поступить и чем все это для нее закончилось? С вами я вижу он делает ту же ошибку.

– Я не хотела, чтобы он это услышал, да и наговорила все

сгоряча, чтобы поставить на место Настю.

– Вы с огнем играете, Алиса. Жить с навязанными чувствами очень нелегко. Будь то любовь, преданность или еще что-то, без разницы. Это как в аквариуме, хочешь выплыть, а стекло не дает.

– И что вы мне предлагаете делать? Любить по приказу? – взревела я.

– Нет, но можно по-человечески отнестись к Джастину, понять его, принять его и все, чем он живет. А не орать на весь дом, что вам претит все, что он вам навязал. Да навязать то он вам еще ничего и не успел. Попадись мне такая женщина, я бы ее уже давно в постель уложил и ребенка заделал, чтоб меньше металась между выбором свободы и мной. А он все носится с вами, чувства ваши видите ли бережет. Вы кричали на Настю, что она неблагодарная. А вы? Вы благодарная? По-моему, такая же самовлюбленная строптивая девица, – надменно проговорил Тайлер.

– Не перегибай палку, Тайлер, – вступился за меня Филипп.

– Я не перегибаю. Мне жаль просто Джастина, он столько восстанавливался после смерти Елизаветы, а теперь эта такая же подвернулась. Ты забыл, что он пережил с ней?

– Не забыл, – ответил Филипп.

– Да что вы на меня набросились? Я виновата, что ли в том, что вы не можете жить обычной жизнью, как люди? – вспыхнула я.

– Не горячитесь, Алиса. Все образуется. Всем нам приходится проходить этот путь притирки с нашими женщинами. Это Тайлеру жена идеальная попалась, она за него горой в любой ситуации. Вот он и переживает за нас с Джастином. Я не женат до сих пор, Джастин же все время варится в этом котле, наполненном своим благородством и неприятием его темной стороны женщиной. Так ведь, Тайлер? – обратился Филипп к другу.

Тайлер не ответил лишь только посмотрел на меня таким взглядом от которого у меня мурашки по коже побежали. Если быть честной, мне было очень стыдно за те слова, которые я сегодня в сердцах наговорила.

– Я пожалуй пойду, – сказала я мужчинам и встала из-за стола.

– Алиса, я вас очень прошу... Джастину очень тяжело сейчас. Он вам этого никогда не скажет. Но скажу я. Он мне как брат, мы связаны с ним одной нитью, вытканной этой непростой судьбой. Я очень хочу, чтобы он был счастлив. – устало проговорил Тайлер.

Я лишь кивнула в ответ, давая понять, что услышала его, и поднялась к себе.

Глава 8

Утром следующего дня, спускаясь к завтраку, я услышала, как Тайлер гневно говорил Джастину:

– Ты с ума сошел? Как это ты еепустишь? Ты идешь против правил? Тебе напомнить, что было с отцом Филиппа, когда он нарушил то, что должно неукоснительно соблюдаться?

– Я так не хочу больше. Я не имею права в угоду своим проблемам лишать ее счастья быть с тем, кого она действительно полюбит.

– Ты рискуешь очень! Ты же понимаешь, что мы не знаем, чем будет это чревато в этот раз и для кого! – заорал Тайлер.

– С ним я сумею справиться, поэтому все коснется в будущем только меня.

– Ты не можешь быть уверен, никто не шел против доминанты еще. Черт, Джастин, да уложи ты ее в постель, и проблема отпадет сама собой. Что ты носишься с ней?

– Тайлер, разговор закрыт, – сухо бросил в ответ мужчина. Я тихонько спустилась по лестнице и зашла в комнату. При виде меня Тайлер скривился и даже не поприветствовав отправился на второй этаж.

– Доброе утро, Алиса. – безразлично сказал мне Джастин. – Присаживайся, мне нужно поговорить с тобой.

Я села и с дрожью в теле приготовилась слушать. Джастин

положил передо мной документы и проговорил:

– Здесь все документы по долгам, которые я выплатил. Можешь забрать их.

– Почему? – удивленно спросила я, рассматривая то, что он мог использовать против моей семьи для того, чтобы удерживать меня возле себя.

– Я хочу тебя отпустить. Единственное только, что не могу тебе разрешить, это уехать на родину. В белом конверте есть документы на новый дом в городе и мастерскую. В местной школе я договорился, что ты придешь, познакомишься с детьми и кто захочет из них, могут ходить к тебе учиться рисовать. Каждый месяц я буду отправлять тебе деньги, ты ни в чем не будешь нуждаться. Сестру твою возьмут в школу, все так же улажено. Вот собственно и все. Главное не пытайся уехать, иначе тогда мне придется сделать то, чего мне бы не хотелось. В остальном же ты вольна делать все, что тебе вздумается. Вплоть до замужества.

– Джастин, я слышала ваш разговор. Ты же пострадаешь от того, что сделаешь для меня, – тихо прошептала я.

– Это тебя не касается, – жестко оборвал меня он. – Ты получила то, что хотела. Сегодня ты должна уехать вместе с Настей.

Мужчина еле сдерживал свой гнев и разочарование, я видела это. Положив документы на стол, я встала и подошла к нему. Он движением руки остановил меня, давая понять, что ничего слушать не хочет. Но меня это не остановило.

Подойдя к нему, я обвила руками его шею, приблизилась и легонько коснулась своими губами его губ. Мужчина издал едва уловимый стон.

– Ты хороший, но я должна понимать, чего сама хочу. Для меня это важно, – прислонившись своим лбом к его сказала я.

Джастин взял меня за запястья, убрал мои руки со своей шеи и сказал:

– Ты уходишь из этого дома так же, как и из моей жизни. Мне более не интересно, чего хочешь ты. Я все для себя решил. Я обеспечил тебя, твою сестру, дал тебе крышу над головой и ежемесячное содержание. Я думаю этого достаточно, чтобы возместить тебе моральный ущерб, который был тебе причинен, – в его голосе было столько презрения, что я невольно отшатнулась.

– Спасибо, – с легким разочарованием проговорила я.

– А теперь извини, но сегодня тяжелая ночь, я должен отдохнуть. Через час приедет экипаж. Ты должна собраться. Пока возьми только самое необходимое, остальное упакует Кристин и отвезет тебе в твой новый дом. И еще одно. Картину доделай, пожалуйста. Ее так же упакуют и отвезут тебе, потом заберут назад по окончании работы.

– Обязательно доделаю. Спасибо тебе, Джастин.

Мужчина едва уловимо кивнул и окинув меня взглядом поднялся на второй этаж, затем пошел к себе в другое крыло. Я же направилась в комнату Насти.

– Собирайся, мы уезжаем, – сказала я ей, заходя в комнату.

– Как это собирайся? – удивленно воскликнула она.

– Мы здесь больше не живем. Джастин купил для нас дом, будем жить теперь там.

– Это из-за вчерашнего? Алиса, прости меня, я не хотела, чтобы до такого дошло. Давай я с ним поговорю и все улажу, – заламывая руки запричитала сестра.

– Нет, он все решил.

– И ты не попыталась даже отговорить его?

– Настя, я такое вчера наговорила, что мне просто стыдно перед ним, если честно. Пока нам нужно уехать, а дальше посмотрим.

– Пока ты будешь смотреть, он найдет кого-то себе другого в жены! Ты дуручка что ли?

– Это жизнь, Настя. В жизни так бывает. Иногда просто не судьба.

– Судьба – это то, что мы творим!

– Собирай вещи, Настя.

В этот момент в дверь постучали и открыв ее я увидела стоящего за ней Филиппа.

– Можно войти? – спросил он.

– Конечно, – ответила я.

– Я знаю, что вы так и не пришли к общему знаменателю с Джастином и уезжаете.

– Да, он купил нам дом с Настей в городе, теперь мы будем

жить там.

– Если вы не против, я бы хотел иногда навещать вашу сестру, – проговорил мужчина, смотря на Настю.

– Не думаю, что это хорошая идея, господин граф, вы меня вчера сильно обидели, я не желаю вас видеть, – вздернув свой носик наигранно гневно проговорила она.

– Не обращайтесь на нее внимание, Филипп. Буду рада увидеть вас в любое время, – махнув рукой на сестру сказала с улыбкой я.

– Я не обращаю. Когда женщина говорит нет, это чаще всего значит как раз противоположное. Странно, что Джастин этого так и не понял до сих пор, – подойдя к Насте он поцеловал ее руку и вышел из комнаты.

Через пол часа мы уже стояли на улице с чемоданами и ждали экипаж. Когда он подъехал, и извозчик начал укладывать наш багаж, а мы с Настей уже заняли свои места, из дома с диким криком выбежала Виктория.

– Алиса, Настя, куда же вы? Алиса, ты почему бросаешь нас? Ну ты же обещала! Как ты можешь так? – с отчаянием закричала она.

Выскочив из экипажа, я присела и обняла девочку.

– Солнышко, я буду жить здесь рядом, в городе. Папа знает где это. Ты сможешь приходить в гости ко мне, если папа разрешит.

– Нет, Алиса, нет. Ты ж обещала, что будешь жить с нами. Папа же тебя так любит! Почему ты передумала? Это па-

па тебя напугал? Я поговорю с ним, он больше не будет так. Только не уезжай, – она гладила меня трясущимися ручонками по плечам, словно пытаюсь успокоить.

– Не могу, сейчас так надо, пойми, – поцеловав девочку в лоб ответила я.

– Нет, не надо, просто я для тебя отродье, так же, как и для мамы, – тихо произнесла Виктория и со слезами, струящимися у нее по худеньким щекам, развернулась и пошла в дом.

Я просто оторопела от такой фразы. Поднявшись с колен, я увидела Джастина, стоящего у входной двери.

– Джастин... – проговорила я и замолчала, не зная, что сказать.

– Уезжай, – сухо кинул мне мужчина и закрыл дверь.

Я забралась в экипаж в каком-то оцепенении. Экипаж тронулся, и я заревела.

– Ну вот, плачешь. И стоило это все того, чтобы теперь сидеть и плакать? – спросила меня Настя.

– Не знаю, – проговорила я и зарыдала еще сильнее.

– Признайся себе сама, что ты любишь его. Только как всегда взбрыкиваешь, ведь все должно быть исключительно по-твоему.

– Я должна разобраться, Настя. Ты же всего не знаешь, – шмыгая носом я едва ли не ревела навзрыд.

– Да и не хочу всего знать!

– Ох, не хотела бы и я всего знать, – успокоившись прого-

ворила я, уставившись на быстро мелькающий пейзаж вдоль дороги.

Всего через пол часа мы оказались на месте, у дома, который купил для нас Джастин. Это было просто чудо из сказки. Дом был совсем небольшой, двухэтажный, но такой уютный. Снаружи он был обложен диким камнем, поэтому напоминал мне миниатюрный замок. Красивые витражные окна отсвечивали всеми цветами радуги, когда на них падали лучи солнца. Поднявшись по каменной лестнице с витыми перилами, я хотела было открыть дверь, но она отворилась и на пороге нас встретила горничная, чему я сильно удивилась.

– Здравствуйте, Алиса. Если вы не против, я буду работать у вас. Господин граф Беверли нанял меня. Платить за работу будет мне он, – мягким голосом проговорила женщина.

– Даже не знаю..., – удивленно ответила я этой невысокой женщине среднего возраста с мягкими чертами лица и добрыми карими глазами.

– Я работала здесь у прежних владельцев. Но они уехали жить в Лондон. У меня же здесь семья, поэтому поехать с ними не смогла. Мне бы очень хотелось остаться здесь. Я знаю каждый уголок в этом доме, у меня всегда отменный порядок и готовлю я очень вкусно. Но если вы против, то я сейчас же покину дом. Могу посоветовать вам кого-то из знакомых, кто тоже может помогать вам по хозяйству.

– Нет, нет, – опередила меня Настя. – Не надо никуда уходить. Вы нам подходите. Правда, Алиса?

– Настя, мне неудобно как-то. Он и так многое для нас сделал. А служанка – это перебор, я так думаю.

– Нет, раз мужчина помогает, не надо отказываться от такой помощи. Ты просто его обидишь еще больше, – сказала моя хитрая сестра, которая всегда знала, чем меня убедить.

– Хорошо, оставайтесь. Как вас зовут?

– Мариса, – тепло улыбнулась обрадованная горничная.

– Покажите нам дом, Мариса. Посмотрим на эту красоту, которая теперь является нашим гнездом, так сказать, – потрепав по плечу Настю я подтолкнула ее внутрь, и сама зашла за ней.

Внутри дом был таким же красивым, как и снаружи. Стены дома были обшиты красным деревом, потолок украшали нежные узоры из лепнины, на второй этаж вела резная лестница, которая была настоящим произведением искусства. Огромный камин в гостиной был наполнен аккуратно сложенными дровами, и я улыбнулась, представляя себе, как будет уютно сидеть перед ним и пить чай длинными зимними вечерами. На стенах красовались картины с изображением диких цветов. На первом этаже помимо гостиной была небольшая кухня и уютный кабинет с библиотекой, в которой находилось бесчисленное количество книг. Бывшие хозяева явно были почитателями писательского искусства. На втором этаже располагались теперь уже наши с Настей комнаты и еще две для гостей, огромная ванная и уютная гардеробная. Выглянув из окна своей комнаты, я увидела,

что на заднем дворе двое рабочих что-то строили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.